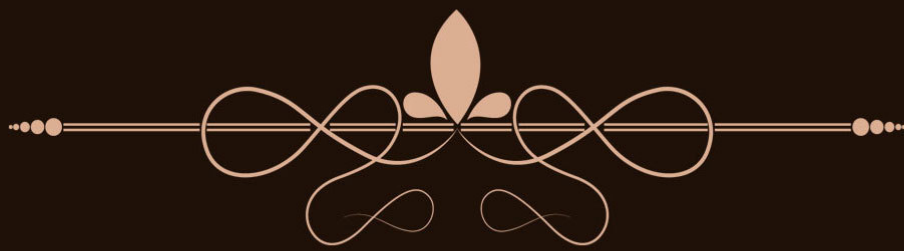
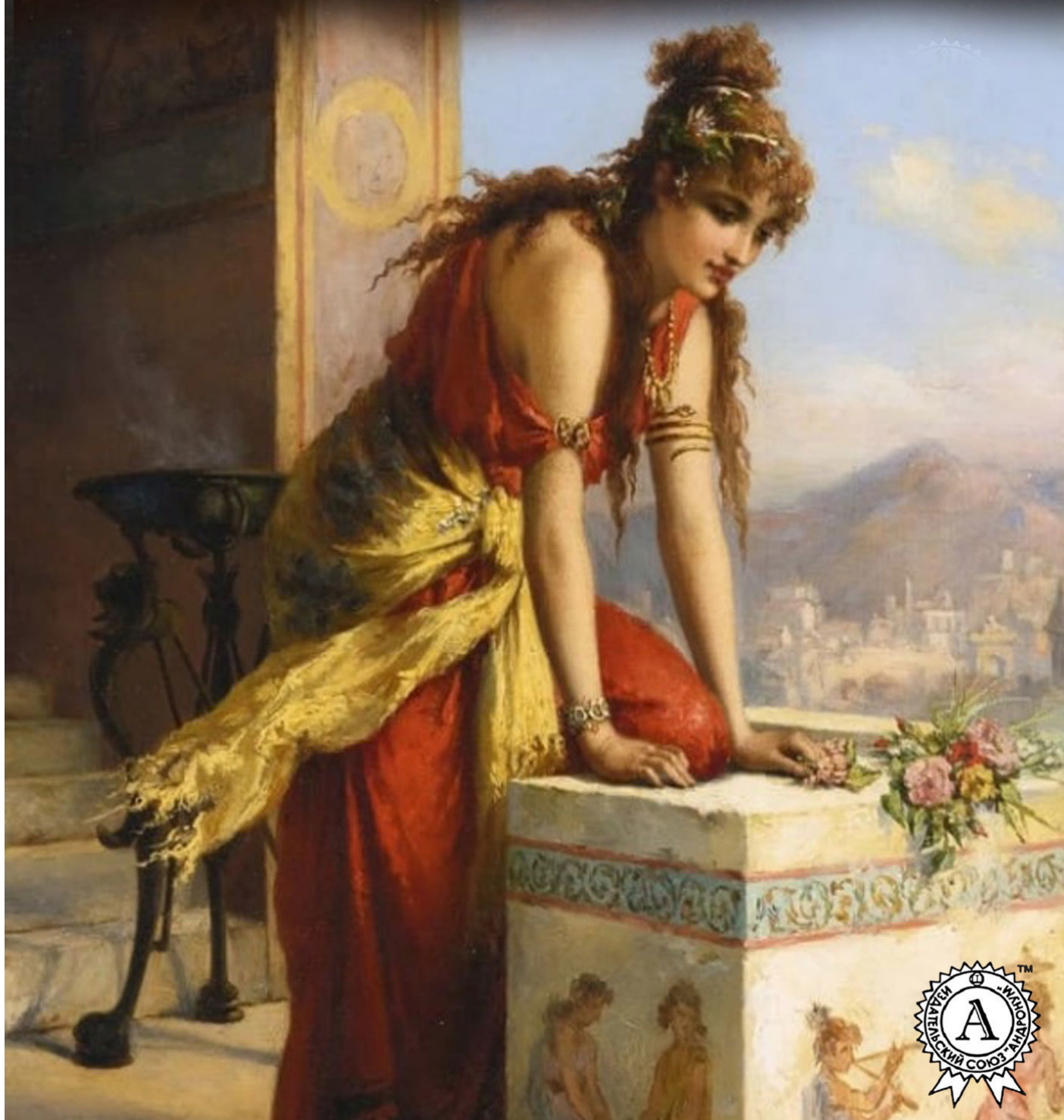

ЮЛИЯ ЧЕРНОВА

ПЯТЫЙ ЛЕГИОН ЖАВОРОНКА

Юлия Чернова

Пятый легион Жаворонка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Чернова Ю.

Пятый легион Жаворонка / Ю. Чернова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715238-2

Об эпохе Домициана Флавия сохранилось гораздо меньше свидетельств, чем о временах Тиберия или Нерона. Поэтому и писатели обращаются к данной теме гораздо реже. Но даже по кратким сообщениям историков видно, насколько бурными и драматическими были те годы. Погружаться в них захватывающе интересно. Главные герои романа – люди реально существовавшие. Их судьбы столь же непредсказуемы, как и сама эпоха – то темница, то императорский дворец, то участие в заговоре, то военный поход. Читатель побывает и в Палатинских дворцах, и в театре, и в цирке, и в военном лагере... Пройдет с легионами путь от Рима до столицы Дакии — Сармизегетузы.

ISBN 978-0-88-715238-2

© Чернова Ю.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Чернова
ПЯТЫЙ ЛЕГИОН ЖАВОРОНКА
(МЫ БЫЛИ)

Моим родителям

*Рим был и есть, много не дано,
К нему приводят все дороги.
И мне однажды было суждено
Застыть в поклоне на его пороге...*

Сергей Дмитриев

*Дверь к счастью открывается наружу.
Древняя мудрость*

*...И сжигает века и мили
Искра, полустрока: «Мы были»...*

Екатерина Ачилова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Испросить помилование осужденному? У Домициана? Добиться помилования для жалкого актеришки, оскорбившего всемогущего императора?»

Это было бы просто, окажись актер и впрямь жалок. Увы! Слава его гремит от Алезии до Дамаска, а уж в самом центре мира – в Риме – нет и не может быть человека, не слышавшего об актере Парисе. Ему рукоплещет знать, а чернь дерется за места в театре. Приближенные императора отдают предпочтение Парису – дело неслыханное, ибо Домициан ясно показал, что покровительствует Латину. Сама божественная Августа¹ Домиция снизошла до... В городе в голос говорят о том, о чем при дворе лишь шепчутся.

Парис красив – выходит на подмостки без маски: светловолосый и темноглазый, любимец богинь, да и смертных женщин. В движениях его величие, мало – царственное, Юпитеру Громовержцу приличествовали бы жесты его и осанка. А голос... В голосе смех – никто от смеха не удержится. В голосе гнев – любое сердце сожмется. Дрогнет голос – и толпа, опьяненная кровью ристалищ, слезы прольет.

Парис красив, Парис любим, Парис славен... А император?

Если призадуматься, так ли уж он всемогущ? Есть сенат – запуганный, разобщенный и все же строптивый. Есть наместники провинций и начальники легионов, всегда готовые воспользоваться недовольством солдат (разве бывают солдаты довольны?), чтобы склонить их к бунту – хоть втрое жалованье легионерам увеличивай, покоя не узнаешь. Есть чернь, чьи насмешки не смертельны, но ощутимы. Есть супруга Домиция, чья добродетель столь же нерушима, как крепость из песка. И, наконец, есть преторианцы – императорская гвардия – преторианцы, привыкшие избирать императоров по своему вкусу.

Нет, Домициан не всемогущ, этим и объясняется его ярость. И добиться помилования... для того, кто превосходит императора величием...

Тут и своей головы недолго лишиться».

Корнелий Фуск повел подбородком, словно проверяя, крепко ли голова держится на плечах. Поморщился: раннее утро, а дышать нечем. Небо пронзительно-синее, к вечеру выцветет от жара. Август – гиблое время в городе. Ватиканский овраг дышит лихорадкой. Все, кто могут, к середине лета спешат выбраться за городские стены. Рвутся на просторы Лация и Этрурии, в прохладу дубовых и буковых рощ. Остаются неимущие. В конце лета город принадлежит бедноте. Лихорадка, пыль, пекло – их удел.

«Почему императору вздумалось покинуть Альбанское поместье, покинуть тишину лесов и свежесть озер и вернуться в Рим? Неужто из-за актера Париса?»

Корнелий Фуск свернул на Священную дорогу, намереваясь оттуда подняться на Палатин по Этрусскому переулку. Путь его пролегал в тени беломраморных базилик и храмов, заполнявших Форум, но прохлады не было и в тени. По левую руку высилась громада Палатинского холма, застроенная дворцами так тесно, что казалась сплошной мраморной глыбой, поросшей густо-зелеными пиниями и кипарисами.

Фуск ускорил шаги. За плечами его развевался алый плащ, серебряные доспехи отражали потоки света. Позади гроыхал конвой. Подбитые гвоздями солдатские сапоги-калиги мерно ударяли по мостовой. Позвякивали доспехи. Встречные горожане проворно отскакивали в стороны.

Несмотря на ранний час, на улицах царило оживление. Ремесленники спешили в мастерские, торговцы – в лавки, клиенты – приветствовать богатых покровителей. Разноголосый хор звучал все громче. Продавцы зазывали покупателей, менялы стучали монетами по переносным

¹ Словарь терминов и названий, а так же словарь имен приведены в конце текста.

столикам. Распахивались двери лавок: у мясников, зеленщиков, продавцов рыбы и масла не было отбоя от покупателей.

Корнелий Фуск взбежал по широкой лестнице, ведшей на Палатин. Дворцовый холм недавно украсился еще одним сооружением, должным, по замыслу Домициана, затмить все прежние. Новый дворец поражал размерами и великолепием отделки. Самые драгоценные сорта мрамора облицовывали стены: зеленый лаконский, золотистый нумидийский, белый лунийский, лиловый афинский.

Часовые у ступеней застыли изваяниями. Начищенные шлемы отражали солнечные лучи. Стража сменялась каждые два часа, но Фуск знал, что еще до истечения этого срока изваяния начнут покачиваться.

Центурией, несшей стражу на Палатине, командовал Марк Веттий. В преторианскую гвардию он был переведен из британских легионов, где отслужил девять лет, и в гвардии за последний год дважды получал повышение. Фуск ценил его тем более, что знал, как редки командиры подобного типа: они правят не лозой и не лестью, зато и повинуются им не из страха наказания и не из жажды почестей.

– Марк, переведи часовых в тень.

Центурион улыбнулся одними глазами – вероятно, хотел обратиться именно с этой просьбой.

Цепочка сверкающих щитов и доспехов осталась позади. Фуск позволил себе чуть замедлить шаг. По мановению руки отстал, скрылся в отведенном помещении конвой. Облаченные в белое императорские рабы низко склоняли головы, приветствуя человека с серебряным мечом на перевязи, Луция Корнелия Фуска, префекта преторианцев. Не меньшую любезность проявляли и сенаторы. Поневоле станешь вежлив с тем, у кого под рукой девять тысяч отборных солдат.

Фуск приближался к личным покоям императора. В жару Домициан обыкновенно не покидал опочивальни, проводя день в сладкой истоме, и лишь вечером совершал прогулку по саду. Придворные острословы изощрались на этот счет. Так, Вибий Крисп осмелился утверждать, будто божественный Цезарь заполняет день тем, что ловит мух и протыкает их острым грифелем. Понятно, навету никто не верил, но все смеялись.

В крытой галерее, окружавшей внутренний двор, собрались придворные. Ожидали выхода императора, узнавали последние новости, пересказывали самые нелепые сплетни. На фоне серебристой зелени, золотистого мрамора пестрели разноцветные одеяния.

Фуск снял шлем. Светлые волосы заблестели под солнцем.

– А, благородный Фуск, – сенатор, дважды консул Квинт Вибий Крисп – высокий, седой, надменный – медленно поднял веки. Его можно было бы принять за ревнителя старины, этакого Катона Утического, воспевающего нравы предков вопреки нынешней распущенности, если не знать, что невероятное состояние в триста миллионов сестерциев он нажил доносами. – Явился приветствовать императора?

– Да, Квинт. Не знаешь, Цезарь один?

– Один. Нет даже мухи, – откликнулся Крисп, и глаза его блеснули.

В толпе послышались смешки. Фуску, чтобы сохранить серьезность, пришлось прикусить губы.

Марк Аквиллий Регул обратил к префекту бледное до желтизны лицо. Регул слыл выдающимся оратором, и своим ядовитым красноречием погубил немало людей.

– Известно ли тебе, префект, чем вызвано столь внезапное возвращение императора в Рим?

Придворные вытянули шеи, прислушиваясь к разговору.

– Полагаю, Марк, могла быть только одна причина, – Корнелий Фуск выждал, пока вокруг стихнет шум разговоров. – Забота о благе подданных.

По толпе плеснуло смешком, но догадаться, кто веселился, не было никакой возможности, все лица выражали почтительность пополам с благоговением.

– Думаешь, прежде, проводя время в уединении, император плохо заботился о своем народе? – сухо осведомился Катулл Мессалин.

Фуск глянул в пустые глаза слепца.

– Кто мог вообразить такое? Не тот ли, кто сам таит подобные мысли?

Мессалин в замешательстве переложил трость из руки в руку. Регул усмехнулся. Юния, златоволосая красавица (злые языки шептались, что косы ее накладные), послала префекту призывный взгляд, оставшийся без ответа. Тогда, обнажив в улыбке мелкие зубки, она сказала громким шепотом, обращаясь к Бебию Массе.

– На днях я встретила Винию Руфину... Можешь представить, она была в некрашеной тунике и стоптанных туфлях... Я приняла ее за рабыню.

– Прошли те времена, когда отец ее хозяйничал на Палатине, – ответил Масса.

– Правда, на шее она до сих пор носит полмиллиона сестерциев, подаренных некогда Тигеллином. Говорят, не расстанется с этим ожерельем, – Юния метнула взгляд на Фуска, изо всех сил старавшегося ничего не слышать. – Рассказывают, Тигеллин на пиру снял ожерелье со своей наложницы и надел Винии.

– Дочери консула, – подхватил Бебий Масса, – до чего мы дожили!

– Ну, отец ее был консулом всего-то пятнадцать дней.

– И ограбил Рим, как никому не снилось, – мечтательно заключил Бебий Масса.

Юния вновь бросила взгляд на деревянную спину префекта.

– Вероятно, император встревожен какими-то слухами? – негромко уронил Вибий Крисп.

– Что? – переспросил Фуск. – Не знаю, Квинт. Солдату подобает выполнять приказ, а не задавать вопросы.

Тон его был слишком резок. Юния улыбнулась.

– Актеры в этом году дают представление за представлением, – рассеянно заметил Вибий Крисп. – Не только в театрах, но и в частных домах.

– Парис имеет необыкновенный успех, – поддержал Регул. – Говорят, Виния Руфина охотно приглашает его.

Худое, скуластое лицо префекта стало злым.

– Божественная Августа приглашает его еще чаще, – ответил он. – Что с того?

Регул замешкался с ответом. Открыто обвинить Августу никто бы не решился.

– Или ты видишь в этом что-то дурное? – допытывался Фуск. – Возможно, ты вздумал судить поступки Августы? А то и самого Цезаря? Это пахнет законом об оскорблении величества.

Крисп и Мессалин одновременно отодвинулись от Регула. Юния, увенчанная косами германских рабынь, была уже на другом конце двора.

– Я упомянул о Винии Руфине, – возвысил голос Регул, став еще бледнее, – и только.

– Позволь. Ты говорил об актере Парисе и зрителях, у которых он имеет успех.

– Я не знал, что божественная Августа им восхищается.

– Теперь знаешь. Поспешешь объявить себя другом Париса?

Регул окончательно запутался, принужденный выбирать между гневом Августы и Цезаря.

– Так что же? Не выкажешь дружбы Парису? Или мнение Августы для тебя неважно?

– Важнее мнение Цезаря, – выбрал Регул.

Корнелий Фуск не ответил, взглянув куда-то за спину Регула. Тот обернулся и позеленел. Августа Домиция стояла позади него и, сложив руки на груди, внимала разговору. Несомненно, она находилась там уже давно, и Фуск ее прекрасно видел. Высокая, крепко сбитая – дочь Домиция Корбулона, победителя парфян, унаследовала от отца рост и сложение. У нее был массивный подбородок, крупный нос. Над широким лбом поднимались завитые в мелкие

кольца волосы. Домицию никто не назвал бы красавицей, но от нее исходила сила, и сила безжалостная. На бранные останки Регула было больно смотреть.

Фуск прошел во внутренние покои дворца. Чем ближе к комнатам императора, тем пустынее становились галереи и переходы. Шаги рабов шелестели не громче капель, разбиравшихся о чаши фонтанов. Фуск и сам начал ступать осторожнее. Приблизился к дверям, отделанным золотом и перламутром, вызвал императорского секретаря. Тот явился незамедлительно.

– О чем префекту угодно говорить с Цезарем?

Разумеется, не об актере Парисе. Есть повод более серьезный. Настолько серьезный, что императору впору забыть об актере.

– Тревожные вести с мезийской границы. Даки готовятся к войне.

Секретарь беззвучно исчез, чтобы вернуться через мгновение.

– Божественный Цезарь отдыхает и призовет тебя позже.

Фуск не ждал иного ответа, но едва справился с досадой. Император не желает ни о чем думать, пока не покончит с дерзким актером. Выходит, надежды отвлечь его – нет совершенно. Скверно. Да и положение в Мезии требует срочного вмешательства. Нужно переместить войска... Он не может этого сделать, без согласия императора.

Зато позаботиться об актере – может.

* * *

Из четырех сортов коринфской бронзы самым дорогим считается сорт, называемый «печеночным». Темный, с винно-красным отливом. Таков был точь-в-точь цвет волос Винии Руфины. Только сейчас падавшие на лоб красноватые пряди совсем потемнели от пота. Под глазами – синеватые полукружия.

Фуск осторожно коснулся ее руки. Узкая ладонь была горячей и влажной. Виния разлила запекшиеся губы.

– Лихорадит.

– Лекарь велел ей не вставать с постели, – наябедничал Гай Элий. – Как думаешь, последовала она совету? О, да, как все женщины – строго наоборот.

Гай улыбнулся, но в его светлых глазах не отразилось улыбки. Узкое смуглое лицо оставалось тревожным, почти сумрачным. Тога с пурпурным окаемом сияла белизной, ни одна тщательно заложенная складка не была смята – словно по мановению руки он перенесся из дома на многолюдный Форум, минуя толчею узких улиц.

Солнце клонилось к закату, на тусклом от жара небе появились первые золотистые облака. Удлинились тени от многочисленных колонн и статуй, украшавших Форум. Белоснежные портики храмов начинали розоветь, тени становились фиолетовыми. Близился час вечерней свежести, когда истомленный солнцем город спешил вздохнуть полной грудью. С каждой минутой на площади делалось все оживленнее.

– Тебе следовало увезти ее, – начал Фуск и тотчас спохватился: Элий, исполнявший обязанности претора, не мог покинуть город. – Твой отец мог бы. Почему вы не уговорили ее уехать?

– Уговорить? – переспросил Элий с преувеличенной серьезностью. – Я не ослышался? Мой друг предложил «уговорить»? Вот ее? Мою двоюродную сестру?

Корнелий Фуск улыбнулся. И тотчас, словно по волшебству, озарились улыбками лица стоявших поодаль рабов, заулыбались строгие, исполненные достоинства ликторы и молчаливые преторианцы. Взгляд Гая Элия смягчился и потеплел. Даже томимая лихорадкой Виния почувствовала, как уголки губ ползут вверх, и немедля обратилась к Фуску за поддержкой.

– Уехать? Завтра же скачки! Уехать, не узнав, так ли хороша гнедая кобыла: Мепп всюду хвалится своей упряжкой. Меня досада прикончит скорее лихорадки.

Гай Элий выразительно посмотрел на Фуска: «Ты уверен, что женившись, станешь счастливее?» И еле слышно произнес:

– Августовская лихорадка...

Фуск ответил коротким взглядом. Произнес громко:

– С красавицами всегда так. В ответ на заботу – насмешки, в ответ на пламень – холодность.

– Как, префект Фуск, – Виния повернулась к нему, на бледном лице выделялись яркие пятна румян, – и пятнадцати лет не прошло, как ты, наконец, разглядел мою красоту. По моему, слишком торопишься. Выжди для верности лет эдак...

– Ах, злая Виния! Пятнадцать лет назад мы и знакомы не были.

– Нет, были! – Виния хлопнула рукой по подушке. – Ты вместе с Гаем приходил в дом моего дяди. А на меня даже не взглянул. И все потому, что я косы срезала.

Фуск качнул головой. Не представить: Виния Руфина – стриженная, как мальчик. Не представить. Как и не вернуть упущенных лет.

Только подумать: боги даровали встречу с Винией Руфиной пятнадцать лет назад. Он не заметил, не запомнил ее. Антония... Тогда он был ослеплен. Из всех женщин видел одну Антонию. Антония... Перед глазами встает стена беседки, оплетенная виноградом. На сухих лозах листья багряны. Мраморное изваяние Венеры. Дождь хлещет по белоснежным плечам богини. Женщина в бордовой тунике, облепившей тело, красотой форм превосходит пенно-рожденную. Слипшиеся пряди волос, пунцовые губы.

Она оказалась жадна, отвратительно жадна... Принеся жертвы у алтарей, вошла в его дом женой. Женой человека влиятельного. Брала подношения у всех, кто искал заступничества ее мужа. Стоило Фуску покинуть Рим, распорядилась отвезти и бросить на Тибуртинском острове у храма Эскулапа старых рабов – не кормить же даром. Челядь держала впроголодь. Клиентов угощала объедками да кислятиной, вроде лигурийских вин. Антония... К ней, единственной, стремился взор. А после пяти лет супружества он не то, что видеть ее – слышать о ней не желал. Вероятно, Антония испытывала сходные чувства, ибо с легкостью покинула и мужа, и дочь. Уходя, забрала даже игрушки и украшения, подаренные маленькой Корнелии.

Время утекло – не вернуть. Лишь этой весной Фуск в доме Гая Элия вновь встретил Винию. Почему-то с тех пор дела призывали его в дом друга чуть не каждый день.

– Ты отомщена, – вздохнул Фуск. – Все мои взгляды остаются безответными.

– Еще бы. У тебя было пятнадцать лет, чтобы разглядеть мои достоинства, у меня – твои недостатки.

– Безжалостная!

– Не отчаивайся, – утешил префекта Гай Элий. – О тебе помнили пятнадцать лет.

Фуск отмахнулся.

– Помнили – выйдя замуж за другого.

– Не родился еще мужчина, способный разбить мне сердце, – гордо заявила Виния.

На мгновение прикрыла глаза. Фуск и Элий вновь быстро переглянулись.

– Твоя дочь все еще в Толозе? – спросил Гай.

Виния затаила дыхание. Она, разумеется, слышала о взрослой дочери префекта Фуска, но не видела ни разу. На ее жадные расспросы Гай Элий пожимал плечами. «Красивая? Еще девочка».

– Да, – откликнулся Фуск. Не удержался от желчной усмешки. – После десятилетней разлуки Антония возгорелась желанием ее увидеть. Я не препятствовал. А сейчас даже рад: не томиться же ей в такую жару в Риме. Вернется к ноябрьским календам...

Виния завертелась на горячих подушках.

– Хочу домой, – сказала она капризно, – нет, к себе домой. Префект, ты мой гость, не вздумай отказаться. Марциал уже месяц слезно умоляет о встрече с тобой. Я обещала. Берегись его разочаровывать, пощады не будет. Ославит в эпиграммах на весь Рим.

– Отрадно сознавать, что счастьем получить приглашение я обязан Марциалу.

– Гай, тоже можешь придти.

– Ты сегодня поразительно любезна, – Гай Элий поклонился. – Отвергнуть столь радушное приглашение невозможно.

Лектикарии подняли носилки и скорым шагом – насколько это было возможно на запруженных народом улицах – направились в сторону Эсквилина. Толпа все прибывала, временами рабам приходилось поднимать лектику над головой. Фуск предоставил солдатам конвоя прокладывать дорогу.

Маленькая процессия миновала Форум с его священной смоковницей, бесчисленными изваяниями богов и богинь, императоров, знаменитых граждан... Надо всеми возвышалась отлитая из золота статуя Домициана, затмившая пять прежних, серебряных.

Корнелий Фуск сдержал шаг и, поравнявшись с Элием, сказал негромко:

– Гай, тотчас отошли носилки за Зенобием.

– Императорский лекарь?... Согласится ли? – усомнился Элий.

– Пусть твои люди спросят центуриона Веттия, он разыщет лекаря и передаст просьбу. Мне Зенобий не откажет.

Элий кивнул, убеждать его не требовалось. Сколь опасна августовская лихорадка знал с того дня, как навсегда закрылись черные глаза Постумии Гарцы.

Наконец, они достигли дома Винии, находившегося на северном отроге Эсквилина, близ портика Ливии. Фуск порадовался, что в этом портике Виния может спастись от жары. Платаны, увитые виноградными лозами, превратились в тенистые беседки. Звенели фонтаны, наполняя воздух влагой и прохладой. Это был настоящий оазис среди раскаленных на солнце каменных стен.

Лектикарии опустили носилки на землю. Фуск протянул руку, любезно помогая Винии выйти.

– Гай, жду тебя вечером, – обратилась Виния к брату. – Префект, можешь меня сопровождать.

– Благодарю, божественная.

Простившись с Элием и отпустив конвой, Фуск последовал за хозяйкой. Миновав переднюю-остий, они остановились в полутемном атриум. Тускло поблескивала вода в бассейне – солнце садилось, лучи уже не попадали в квадратное отверстие в крыше. Смутно угадывался ряд мраморных и бронзовых изваяний, выстроившихся вдоль стен. В воздухе витал очень сильный густой, тягучий аромат – где-то прятались вазы с лилиями.

– Скажешь ты наконец, – быстрым шепотом спросила Виния. – Что с Парисом?

– Император ничего не обещал мне. Все же, надеюсь, мы выиграли день... полдня. Приказ еще не отдан. Но я могу получить его в любое мгновение. И уж тогда, – он улыбнулся, – какая-нибудь досадная случайность помешает исполнить волю Цезаря.

Тут Фуск с восторгом подметил в глазах Винии испуг.

– Ты рискуешь головой! – воскликнула она.

– Женщины любят героев, не правда ли?

– Живых героев, – уточнила Виния.

Послышались шаркающие шаги, и раб-атриенс внес факел. Пламя отразилось в квадратном бассейне-имплювии, пробежало по ряду окружавших бассейн колонн, выхватило из тьмы вазы, полные белоснежных лилий.

– Я приказал натопить термы, – сообщил раб.

– Натопить! – Виния стремительно развернулась к нему. – В такую жару! Ты выжил из ума.

Старик покорно пожал плечами, однако Фуску померещилось – глаза раба лукаво блеснули.

– Я мечтаю о ледяной ванне. Немедленно охладить печь, проветрить... О, боги, в эту духоту и проветрить нельзя, – продолжала стенать Виния.

Старик пожевал губами и сообщил.

– Барвену купить не удалось. Торговцы совсем потеряли совесть... За одну жалкую рыбешку требуют платы, как за доброго скакуна.

– Ах, скряга! – задыхнулась Виния. – Говори, чудовище, чем я буду угощать гостей?

– Я раков принес, да десятка два устриц, да крупных улиток.

Виния воздела руки, взывая к богам.

– Раков! На праздничный стол. До какого позора я дожила!

Фуск изо всех сил старался не рассмеяться.

– Съедят, не побрезгуют, – неторопливо продолжал старик. – У нас все подчистую съедают. Ты и десять перемен блюд подай, не откажутся. Хоть бы совесть имели – при нынешней дороговизне. Поросенка целого поставишь – умнут, колбасы выложишь – туда же, в ненасытную их утробу. С виду поглядишь: худые все, тростинки, а есть начнут – покойного Виттелиа перешеголяют.

Виния уже хохотала.

– Конечно, – меланхолично продолжал старик, – на дармовщину чего бы не дать аппетиту разгуляться. Знай, щедрость хозяйки нахваливай. Глядишь, и добавки предложат.

– Ну, да, Гермес, а ты бы хотел, чтобы меня за скупость проклинали?

– Меры ты не знаешь, госпожа. Вон, Фульвия, три сорта вина на стол ставит. Одно – для себя. Другое, поплоче – для друзей, а уж третье, что и в рот взять противно – для клиентов. Никто у нее за столом и не засиживается. Зато у Фульвии – и наряды новые, и диадема драгоценными камнями горит, и рабов сотни; не то, что один старик-калека и за управителя, и за привратника, и за...

– Фульвия? – смеясь, переспросила Виния. – Фульвия родилась в бедности и теперь кропотливо, перстень к перстню, запястье к запястью, – собирает доказательства, что жила не напрасно. Вершины достигла: богатства.

Виния положила руку на плечо старика.

– А я знала богатство, и тоже хочу увериться, что жила не напрасно. Собираю подтверждения тому: улыбку к улыбке, поэму к поэме. Гостям здесь весело, вот и приходят.

Старик закивал.

– Идут, идут. Вот уж чего ты, госпожа, можешь не бояться: тебя не оставят, пока вконец не разорят.

– Гермес, возможно, придет день, когда гостям в моем доме подадут хлеб и чеснок. Но лишь тогда, когда я сама другой пищи видеть не буду.

– Не беспокойся, госпожа, этот день не за горами.

– Гермес, – задумчиво произнесла Виния, – когда-то строптивых рабов бросали в садок с муренами. Не возродить ли этот обычай?

Если Виния ждала подтверждения, то напрасно – старик словно воды в рот набрал. Виния велела проводить гостя в малый триклиний и подать угощение, а сама поспешила в термы.

Она почти вбежала в аподитерий-раздевалку. Дернула пояс, торопясь сорвать пропитанную потом и пылью одежду. Виния дрожала от слабости и нетерпения и только ту же затянула узел. В ярости топнула ногой. Рабыня-эфиопка уже спешила на помощь. Виния едва выдержала несколько мучительных мгновений, пока узел, наконец, был развязан. Сбросив одежду, она кинулась во фригидарий, в бассейн с холодной водой. На мгновение у нее остановилось

сердце – показалось, окунулась в кипяток. Виния вынырнула, задыхаясь, жадно ловя губами воздух. Отбросила назад мокрые пряди. Подставила лицо водяным струям, бьющим из пастей серебряных львов. Капли рассыпались мелкими жемчужинами.

Виния быстро взошла по мраморной лесенке, отжала волосы. Потом, стряхивая капли на мозаичный пол, отправилась в тепидарий. Здесь над молочно-белой водой в круглой чаше бассейна поднимался пар. Виния легла на теплую мраморную скамью, и все та же рабыня-эфиопка натерла ее маслом и принялась очищать кожу скребками из слоновой кости.

– Довольно, – Виния оттолкнула руку рабыни.

До кожи было больно дотронуться. «Жар. Как некстати болезнь... Только бы Парис сумел прийти. Фуск предостережет его. Боги, помогите Фуску... Ой, какая горячая вода!»

Медленно, задерживаясь на каждой ступени, Виния сошла в бассейн. К ее изумлению, горячая вода доставила не меньше наслаждения, чем холодная. Из тепидария Виния поспешила в раскаленный кальдарий, где, дыша коротко и часто, не выдержала дольше нескольких мгновений, а затем вновь погрузилась в ледяную воду.

Вскоре она вернулась к ожидавшему ее префекту – освеженная, в белом платье из египетского льна. Платье, безусловно, шло ей, и все же столь скромный наряд на Палатине сочли бы смешным. А вот ожерелье, лежавшее на ее плечах, казалось достойно самой Августы. Крупные изумруды, нефрит, отшлифованный до тонкости цветочного лепестка, густо-синие сапфиры и золотистые топазы соединялись между собой несколькими рядами золотой проволоки, переплетенной самым замысловатым образом. Застегивалось ожерелье золотыми крючочками, сделанными в виде соколиных голов. Спереди крепилась лазуритовая подвеска: священный жук-скарабей. Весь Рим говорил об этом ожерелье и о том, как оно попало к Винии.

– Если желаешь, покажу тебе дом, – предложила Виния.

Фуск желал. Они вернулись в атрий, и тут старик Гермес сообщил, что госпожу спрашивают какие-то люди.

– Для гостей рано, – удивилась Виния. – Что ж, проводи их сюда.

В атрий бодрым шагом вошел центурион Марк Веттий. Приветствовал Фуска, затем Винию.

– Префект, я привел лекаря.

Из-за спины центуриона появился маленький человечек, смуглый, лысый, с роскошной курчавой бородой, спускавшейся до пояса. За ним – черноволосый подросток, несший ящик с лекарствами.

– Ты намерен в моем доме распорядиться, как у себя в лагере? – Виния возмущенно обернулась к Фуску.

Лекарь шагнул вперед.

– Не надо злиться, прекрасная госпожа, – произнес он густым, бархатным голосом. – От этого только портится цвет лица и появляются морщины.

– Великая мудрость, – подхватил префект.

Виния метнула на него уничтожающий взгляд.

– От моих снадобий еще никому не становилось хуже, – заявил лекарь, жестом подзывая раба с ящичком.

– Трудно поверить, – Виния источала яд. – По-моему, Марциал метко сказал:

*«Был костоправом Дьявл, а нынче могильщиком стал он:
Начал за теми ходить, сам он кого уходил».²*

Лекарь не обиделся.

² Список переводчиков приведен в конце текста.

– О, госпожа, я пользовал Цезаря Веспасиана...
– И он умер здоровым, – перебила Виния. – А цезаря Тита тоже ты лечил?
– К Цезарю Титу меня не допустили, – ответил лекарь, переглянувшись с Корнелием Фуском: о смерти Тита ходили странные слухи. – Сблаговоли, госпожа, дать мне руку. Биение пульса может многое сказать опытному целителю.

Виния, смирившись, подала руку.

– Что ж, оракул, каков приговор?

Целитель прикоснулся смуглыми пальцами к ее запястью. Слушал долго, сосредоточенно. Фуск напряженно ждал слов лекаря. Наконец, Зенобий выпустил руку Винии.

– Пока это только простуда.

– Но если не принять мер, обернется тяжелой болезнью, – подхватила Виния.

Лекарь улыбнулся в бороду.

– Как ты мудра, госпожа. Изволь принять это... и вот это...

Он тщательно отмерил порошки.

– Нет, нет. Запивать не вином, только водой.

Виния послушно проглотила лекарство и вопросительно посмотрела на лекаря.

– Я оставлю порцию на вечер, – заявил бородатый целитель. – Утром зайду тебя проведать.

– Утром скачки! – вскипела Виния.

Целитель рассмеялся.

– Твой дух, госпожа, одолеет любую немощь. Я зайду днем.

– Ты и впрямь хороший лекарь, – рассмеялась уже и Виния.

– Я твой должник, – обратился префект Фуск к Зенобию тоном, сулившим щедрую награду.

Довольный целитель ушел. Центурион Марк вопросительно посмотрел на префекта, ожидая позволения удалиться. В глазах Фуска тенью прошла какая-то мысль.

– Хорошо, Марк, что ты здесь, – медленно проговорил Фуск, взглядом прося Винию пригласить центуриона.

– Будь моим гостем, – радушно улыбнулась Виния, с любопытством оглядев преторианца, на которого до той поры не обращала внимания. «Типичный римлянин – сухощавый, темноволосый, кареглазый. В каждой черточке лица – решимость пополам с упрямством».

Центурион заметно смутился, не зная, как ответить на неожиданное приглашение. Решив принять, как приказ, коротко кивнул.

– Гермес! – крикнула Виния в глубину коридора. – Позови Панторпу.

Спустя несколько мгновений в атрии появилась девушка лет шестнадцати в простой черной тунике, с широким серебряным браслетом на левом запястье, рослая и, судя по виду, очень решительная. Черные, широко поставленные глаза взирали на мир с нескрываемым любопытством.

– Панторпа, позаботься о госте, – Виния кивнула на центуриона. – Развлеки его. Можешь что-нибудь прочесть...

В черных глазах девушки отразилось удовольствие. Поклонившись, она предложила центуриону следовать за ней и направилась вперед, указывая дорогу. Марк охотно повиновался, предпочитая хоть на время исчезнуть с глаз префекта.

Фуск повернулся к Винии.

– Прости, навязал тебе гостя, – сказал он.

Виния фыркнула.

– Соль на раны Гермеса. Верно, улиток покупал по счету – на каждого.

– Прекрасная, я не люблю улиток.

– Ценю твое самопожертвование. Однако обед готовился именно для тебя, так что попробуй хоть чего-нибудь не съесть, – заключила Виния угрожающе.

Фуск засмеялся.

– Эта Панторпа – рабыня или вольноотпущенница? Держится очень уверенно.

– Рабыня, – Виния забеспокоилась. – Тебя не оскорбит ее присутствие за столом?

– Ну, если уж императору Нерону не претило соседство Акты... – отозвался Фуск.

Виния благодарно улыбнулась.

– Я бы давно освободила Панторпу, однако хочу, чтобы она стала не просто вольноотпущенницей, а получила римское гражданство. Но ты же знаешь, как это трудно.

– Сколько ей лет?

– Шестнадцать. Панторпа родилась в тот год, когда убили моего отца. Она очень похожа на свою маму – по счастью, только внешне; ее дурного нрава не унаследовала. Энону никто не назвал бы женщиной чистой и доброй. Впрочем, за прошедшие годы она могла измениться к лучшему... Я отпустила ее почти сразу после родов. Раньше не хотела – боялась, станет плохо заботиться о ребенке... Недавно повстречала – в раззолоченных носилках. К моему величайшему изумлению, Энона соизволила меня узнать и даже приветствовала коротким кивком.

Фуск предположил, что черноглазая Панторпа – сводная сестра Винии, дочь ее отца от одной из наложниц.

– Панторпа боготворит Париса, – весело продолжала Виния. – Он обещал взять ее в труппу. Панторпа уже мечтает о ролях Медеи и Федры... – Виния на мгновение замолчала, потом спросила. – Зачем тебе понадобился этот центурион?

– Пока не знаю, моя Виния. Всякое может случиться, а он человек надежный.

Не задавая более вопросов, Виния повела гостя осматривать дом: обширную библиотеку, просторный хозяйский кабинет-таблин, большой триклиний и комнату над ним, предназначенную для трапез в узком семейном кругу, огромные термы... Они миновали ряд крохотных, пустых комнат, вероятно, бывших спален. Гулко отдавалось эхо шагов. Дом казался нежилым. Кругом тишина. Мебели мало. Росписи на стенах кое-где облупились. В мозаиках – выщерблины. Между мраморными плитами пола – трещины.

– Если бы ты видел прежнее великолепие! – воскликнула Виния. – Вот здесь – статуя Эрота из слоновой кости, стрела с золотым наконечником, казалось, нацелена тебе прямо в сердце. Маленькие серебряные дельфины и тритоны у фонтанов. Столы и ложа из ливанского кедра, черного дерева, коринфской бронзы...

– Жалеешь о потерянном?

– Нет, – с силой сказала Виния. – Отец принял смерть из-за этих богатств, так мне ли жалеть о них? Моя утрата страшнее.

Фуск чуть сжал ее руку.

Они сидели на мраморной скамье в перистиле. Неумолчно стрекотали цикады, им подпевал фонтан. На фоне белых стен черными силуэтами темнели кипарисы. Перистильный дворик зарос травой, белые лилии, высаженные у фонтана, наполняли все вокруг дурманным ароматом. Старая дуплистая олива угрожающе накренилась. Лохматая собака, дремавшая в углублении меж корней, заскулила во сне.

– Циклоп! – ласково окликнула Виния.

Пес поднял голову, сонно приоткрыв единственный глаз, дружелюбно забил хвостом, и тут же снова уронил голову на лапы.

Темнело. Сквозь густые полосы лиловато-серых облаков пробивался последний солнечный луч. Со стороны кухни долетали голоса, тянуло запахом жаркого. Две кошки под окном требовательно выпрашивали подачку. На галерее замелькали факелы: слуги относили кушанья в пиршественный зал – экус.

– Сейчас появятся гости, – спохватилась Виния.

Они поднялись и направились в триклиний, к Панторпе и оставленному на ее попечении центуриону.

Сразу стало ясно, что Панторпа – девушка добросовестная и всерьез отнеслась к возложенному на нее поручению. Гостю скучать не пришлось. В тот миг, когда Виния и Фуск показались в дверях, Панторпа стояла в центре комнаты, на том самом месте, где должен был располагаться стол, и, заламывая руки, читала монолог Октавии. Стол же, заполненный блюдами с виноградом, грушами, персиками, орехами был отодвинут в сторону, гостю до всего этого великолепия даже дотронуться не пришлось. Панторпа усиленно потчевала его бессмертным творением человеческого гения. Судя по вытянутому лицу центуриона – переваривал с трудом. Правда, как истинный воин, терпел без стонов и жалоб. Разве что взгляд его нет-нет да и обращался к недоступному столику.

*– О, Фортуна моя, не сравнится ничья
Злая доля с тобой...*

– восклицала Панторпа неестественно-низким голосом, воздевая руки к потолку. Гость, кажется, вполне разделял ее обиду на богов.

Виния уже открыла рот, чтобы прервать Панторпу, но та, увидев вошедших, воодушевилась и перешла к причитаниям. И тут над ее головой загремел голос:

– Панторпа, уймись!

Девушка испуганно оглянулась. У окна, выходящего на галерею, стоял человек и яростно грозил ей кулаком. Панторпа испуганно втянула голову в плечи. Спустя мгновение новый гость появился на пороге. В комнате сразу стало тесно. Гость был на голову выше всех присутствующих, темные глаза его смеялись, в голосе громыхал гнев.

– Панторпа! Если хочешь исторгнуть у зрителей слезы, никогда не плачь сама, – его густой сочный голос заполнил комнату. – Можешь рыдать от слабости, растерянности, страха, наконец, от радости. Но в минуты величайшего горя – нет, нет, и нет. Зрители ждут от тебя именно слез. «Ну, понятно,» – говорят они, сочувствуя героине и слегка зевая. Нет, если хочешь потрясти тех, кто на тебя смотрит – забудь о слезах.

Тут Панторпа разревелась по-настоящему и выбежала из комнаты.

– Парис! – воскликнула Виния Руфина. – Ты слишком суров, – и, тоном ниже: – как я рада тебя видеть.

Только сейчас она осознала, в какой тревоге пребывала весь вечер. Тайный страх изматывал, высасывал силы. Теперь можно успокоиться. «Все будет хорошо, Фуск предостережет Париса. Актер спасен. И префект не нарушит приказа. Нечего опасаться императорского гнева».

– Как я рада видеть тебя, Парис, – повторила она так тихо, что актер не расслышал.

– Девчонка ленива, – говорил он. – Память у нее превосходная. «Октавию» запомнила со второго чтения. Голос сильный. Есть и главное: она верит в то, что делает. Но лень необоримая. Думает, можно сыграть сразу, по наитию. Труд, труд, тяжелый труд.

*«Ни старанье без божьего дара, ни дарованье без школы хорошей
– плодов не приносят».*

Фуск, прищурившись, наблюдал за гостем Винии Руфины. Впервые он видел великого актера так близко. Парис, сын актера Париса, казненного Нероном. По одним слухам, император расправился с актером из зависти, по другим – за сочувствие к христианам. Якобы Парис отказался начать представление, должное окончиться казнями.

По общему мнению, сын превзошел отца. Да, Фуск первым готов был признать: Парис – великолепен. Сейчас он с блеском играл хозяина труппы, раскрывающего непосвященным секреты своего мастерства.

– Жест должен быть скуп – тогда зритель обратит на него внимание. Что проку молотить руками по воздуху, словно ветряная мельница. Утомлять взгляды и только.

Тут Парис поднял руку, точно Юпитер, собирающийся метнуть молнию, но вместо этого быстро прижал ладонь к губам, как человек, который слишком заболтался. Развернулся всем корпусом к префекту Фуску, словно напоминая: вот кому должно быть отдано предпочтение.

Корнелий Фуск слегка коснулся ладонью ладони, изображая аплодисменты. Нимало не сомневался: Парис заметил его в первое же мгновение, но столь блестяще разыграл неведение, что и сейчас сумел остаться в центре внимания.

– Приветствую тебя, префект, – сказал Парис.

– Ты знаешь меня?

– Как не знать: ты – правая рука императора. Для меня большая честь оказаться за одним столом с тобой, – в тоне Париса ясно чувствовалось, как охотно он уклонился бы от этой чести.

– Что ж, Парис, можешь гордиться, тебя знаю не только я, но и сам Цезарь. Знает и помнит.

Виния Руфина быстро переводила взгляд с одного на другого. В темных глазах Париса промелькнула тревога. Спустя мгновение, он улыбался.

Виния повернулась к центуриону.

– Марк, – сказала она с бесцеремонностью хорошенькой женщины. – Не откажись исполнить просьбу.

Марк хотел ответить в том духе, что готов служить прекрасной хозяйке, но он и прежде не был красноречив, а ныне присутствие начальника и вовсе сковывало язык. Поэтому ограничился кивком.

– Пожалуйста, поищи во дворе Панторпу. Она, верно, на скамейке под оливами, это ее любимое место. Позови, иначе проплачет весь обед.

Марк повинился.

Уже совсем стемнело. Лунный свет посеребрил листья олив, серебряными нитями протянулись струи фонтанов. Марк направился к мраморной скамье.

– Панторпа!

Никто не ответил, но через некоторое время послышался громкий всхлип. Марк пригляделся: Панторпа сидела на земле, прислонившись спиной к стволу оливы и обхватив руками колени. Одноглазый пес тыкался мордой ей в плечо, утешая.

– Пойдем. Обед готов.

Панторпа яростно замотала головой, показывая, что она не только обедать не пойдет, но вообще никому никогда не покажется на глаза, так и будет сидеть, пока не умрет голодной смертью.

– Зря убежала, – сказал Марк, присаживаясь на корточки рядом с ней. – Парис тебя очень хвалил.

– Неправда, – Панторпа вскинула голову.

– Правда. Говорит, у нее и голос, и память отличные.

Панторпа затаила дыхание, и Марк счел необходимым прибавить кое-что от себя.

– Говорит, боги ее щедро одарили. Второй такой в Риме не сыщешь.

Панторпа отерла рукой мокрое лицо.

– Так и сказал?

– Слово в слово. Знаешь, когда я начинал служить, у меня был командир похожий. Ох, как он нас распекал – до хрипа. И лоза по нашим спинам гуляла чаще, чем у других. Но когда с чужими разговаривал, послушать – так у него лучшая центурия во всем легионе, и новобранцы

ему самые крепкие достались, и службу охотно несут, не в пример остальным. Это, знаешь, нрав такой: в глаза – бранить, за глаза – хвалить. А по мне, все лучше, чем наоборот.

Панторпа еще раз всхлипнула, но уже тише.

– Гермес устриц обещал подать, – сказала она подозрительно безразличным тоном.

– А мне понравилось, как ты читала, – заявил Марк. – Так и видел эту бедную... – тут он запнулся, потому что забыл имя героини. Панторпа прочла так много, что Марк запутался: о Мееде, Федре или о ком-то еще шла речь? – эту бедную женщину... Мороз по коже.

Панторпа не сводила с него глаз.

– Знаешь, твой Парис судит слишком строго. На него не угодишь...

Договорить Марк не успел – Панторпа взвилась с места.

– Парис строго судит? Много ты понимаешь! Парис... он... он... Он велик, он добр, он возится с такой бездарью, как я, а ты, да как ты...

И она побежала к дому. Марк шел следом, посмеиваясь. В маленьком триклинии царило оживление. Прибыли новые гости. Гай Элий стоял в стороне, небрежно опершись ладонью о стол, и с улыбкой посматривал на сестру. Гай Элий находил, что Виния Руфина увлекается театром и актерами больше, нежели это приличествует порядочной женщине. И все же для человека, выросшего в доме Тита Виния и видевшего в юности все непотребства Нерона, это был столь малый и столь простительный грех...

Виния беседовала с мужчиной лет сорока, желтовато-смуглым, худощавым, с язвительной складкой тонких губ. Он держал в руках свиток, протягивал хозяйке, но в то же время отдергивал, не давая взять.

– Да, госпожа, переписчики вчера окончили работу. Можно посылать в лавку... Согласись, славный почерк, – он развернул свиток, издали показывая Винии.

– А содержание какво! – подхватила Виния, смеясь, зная, что как бы она ни была щедра на похвалы да угощение, подарка ждать нечего. – Завтра же пошлю купить.

– Да, мне удалась эта книга, – скромно заметил гость. – Послушай, как хороши эти строки... Или нет, вот эти... Нет, вот замечательный стих...

– Трудно выбрать лучшее, когда ищешь в собственной книге, – любезно заметил Гай Элий.

– Что поделать, среди нынешних поэтов нет равных Марциалу, – совершенно серьезно заметил Марциал.

– И по скромности тоже, – не унимался Гай Элий.

Марк возвел глаза к потолку. После представления Панторпы еще и стихи – это было уже слишком.

– Гермес подает мне знаки, что угощение готово! – воскликнула Виния.

Потрясенный Гермес обернулся к ней: уж о чем не собирался напоминать гостям, так это о трапезе.

Тут Марциал, наконец, выбрал достойнейшее произведение.

*– Вот он, тот, кого вновь и вновь читаешь, —
Марциал, по всему известный свету
Эпиграммками в книжках остроумных:
Славой той, какой, ревностный читатель,
Наделил ты живого и в сознание,
Даже мертвый поэт владеет редко.*

Виния зааплодировала. Фуск широко улыбнулся, и на мгновение к нему обратились все взгляды. «Это же надо, прожить больше сорока лет и сохранить такую улыбку,» – поразился Марциал.

– Прекрасные стихи, – заметил префект и, поощряемый кивками Винии, прибавил несколько любезностей.

– Когда хвалишь себя, слова приходят сами, – не удержался Гай Элий.

– Не скажи, – прошептала Панторпа, – любой эпитет кажется недостаточным.

Марциал со сдержанным достоинством принял похвалы. По его мнению, гости могли бы и больше внимания уделить великому творению, а не рваться сразу к столу. Однако, решив быть к ним снисходительным, Марциал проследовал вместе со всеми в экус.

В серебряных курильницах дымились ароматные палочки алоэ. Белыми шерстяными покрывалами были укрыты простые деревянные лежа. Фуск с приятным удивлением обнаружил, что ему отведено почетное место – он уже ожидал увидеть выше себя Париса или Марциала. Место хозяина занял Гай Элий, Виния уселась у него в ногах. Введенный Нероном (точнее Поппеей) обычаем возлежать и женщинам за пиршественным столом в этом доме не прижился. Панторпа села в ногах у Париса: судя по ее зардевшемуся лицу, она почитала это великой честью и не поменялась бы местами даже с хозяйкой. Приготовилась с обожанием взирать на актера весь вечер.

Двое рабов внесли накрытый стол. Рабыня-эфиопка, та, что помогала Винии в бане, украсила головы пирующих венками из роз.

Фуск из уважения к хозяйке попробовал каждое блюдо, нашел вкус – превосходным, а повара – непревзойденным. Панторпа оторвала восхищенный взгляд от Париса и с не меньшим восторгом (о, ветреность женщины!) обратилась к устрицам. Марциал ел с видом человека, мечтающего насытиться раз и на всю жизнь, и с заметным сожалением окидывал взглядом куски, какие уже не мог проглотить. При этом он не забывал похваливать хозяйку, в основном, жестами и мимикой, так как рот у него был постоянно занят. Центуриону Марку поначалу кусок в горло не шел. Лишь убедившись, что префект вовсе не обращает на него внимания, он дал себе волю. В лагере такого не отведаешь. Черноглазая Панторпа о нем заботилась, подпихивая то одно, то другое блюдо.

Виния почти ничего не ела, только пила маленькими глотками вино, разбавленное водой. На лицо ее снова легла тень усталости, губы почернели. Фуск нахмурился. «Неужели никто не видит, как она больна?» Посмотрел на гостей. Марциал одной рукой ошипывал виноградную гроздь, другой торопливо царапал что-то на вынутых из-за пояса восковых табличках. Марк перешучивался с Панторпой, очищая для нее раков. Парис...

Парис, облокотившись на брошенный в изголовье валик, расспрашивал Винию о предстоящих гонках колесниц. Она, смеясь, рассказывала что-то о гнедой кобыле, трех вороных и колеснице с бронзовой пантерой. Вряд ли актера волновали достоинства четверки и возможная победа «синих», но Винию это забавляло. И он слушал ее, радовался ее радости, переживал с нею каждый крутой поворот, который предстояло пройти квадриге. Временами он поднимал глаза, коротко взглядывал на префекта, словно спрашивая о чем-то, и продолжал беседу.

Когда восторги Винии чуть поутихли, актер обратился к Панторпе и предложил разыграть с ним на пару сцену из «Привидения» Плавта. Тут Панторпа едва сознание не потеряла от волнения и попыталась было отказать.

– Не лишай гостей такого удовольствия, у тебя чудесно получается, – заметил Парис, и Панторпа, залившись краской, на негнущихся ногах вышла вперед.

Марциал, нахмурившись, отложил таблички. По его мнению, если уж чьи вдохновенные строки и должны были здесь звучать, так это его собственные. Марк со вздохом отодвинул блюдо с едой.

Парис выбрал для исполнения сцену, где влюбленный юноша приходит к своей подруге и случайно слышит разговор между ней и служанкой: девушка желает хранить верность возлюбленному, а рабыня уговаривает ее соблазниться подарками богатых поклонников.

Панторпа подавала реплики и за госпожу, и за служанку, а Парис, в роли влюбленного, исходил то яростью, то нежностью, смотря по тому, чьи речи слышал.

С первых же слов стало ясно, что сколь ни бездарно проявила себя Панторпа в трагедии, в комедии ей не найти равных. Ее служанка говорила на сто голосов: и попрекала, и улещала, переходила от соловьиного пения к лвиному рыку, кудахтала встревоженной наседкой, казалось, устоять перед ее натиском было невозможно. Но трогательно-беспомощная героиня устояла. Она не обращала внимания на эти атаки, занятая делом необыкновенной важности: украшала себя к приходу возлюбленного. Требовала то белил, то румян, и служанка подавала – с неизменными уверениями, мол, ни за что не даст, госпожа и без того хороша.

Сцена все набирала и набирала темп, чем больше блеска являл Парис, тем вдохновеннее играла Панторпа – словно зеркало отражало солнечные лучи.

Актеры сохраняли полнейшую серьезность, зато зрители, не исключая язвительного Марциала и строгого Гая Элия, не могли удержаться от смеха. Парис то умилялся, то негодовал. Нежный лепет сменялся яростными угрозами, угрозы оборачивались любовными признаниями. Одно состояние так стремительно переходило в другое, что и хозяйка, и гости хохотали до слез. Вдобавок, актеры сумели сделать самое трудное: они сыграли любовь. Зрители готовы были поклясться, что забавные и трогательные герои всю жизнь проживут душа в душу. Сцена кончилась под гром аплодисментов. Парис учтиво наклонил голову. Панторпа взглянула на него и ответила на похвалы столь же величаво, вызвав новый взрыв смеха и рукоплесканий.

Возвращаясь на свое место, актер вновь коротко взглянул на префекта. И опять Фуск не разгадал этого взгляда.

Гай Элий, беспечно улыбнувшись, сказал:

– Если бы в обязанности претора входило устраивать такие и только такие зрелища, мне было бы трудно расстаться с должностью.

Виния Руфина, одновременно удивленная и торжествующая, воскликнула:

– О, Гай, это высшая похвала.

– На днях я посмотрел представление, устроенное Латинком, – продолжал Гай Элий.

– Латин! – произнес Парис непередаваемым тоном.

– Сознаюсь, зрелища безвкуснее не доводилось видеть со времен Нерона. Давали «Геркулеса на Эте».

– Латин в роли Геркулеса?! – ужаснулась Виния. – Этот маленький, чернявый, кривляющийся сатир!

– Это еще можно было бы стерпеть, – перебил Элий. – Даже Тимелу можно было вынести в роли Деяниры.

– Конечно, – ввернула сестра, – могла ли супруга Латина остаться в тени?

– Так мало этого, им вздумалось воочию показать героя, всходящего на костер. Долго жгли чучело, да еще шевелили палками, чтобы больше было похоже на агонию умирающего. Зрелище тошнотворное. А запах... Вонь, клянусь, достигла верхних рядов амфитеатра. Пришлось провести остаток дня в бане – и волосы и одежда пропитались гарью.

Парис вздохнул.

– Еще сто лет назад сказал Гораций:

*«Тем не менее, ты не все выноси на подмостки,
Многое из виду скрой и речистым доверь очевидцам.
Пусть малюток-детей не при всех убивает Медея.
Пусть нечестивый Атрей человеческого мяса не варит»...*

– Латин не читал Горация. Или пренебрег... Думает, изобрел что-то новое. Увы, и в добродетелях, и в пороках мы только повторяемся... И сто лет назад, и, наверное, тысячу, люди думали о том же. Потому многие строки звучат так современно.

– Например, – подхватил Парис: -

*«Корысть заползает, как ржавчина в души:
Можно ли ждать, чтобы в душах таких
Слагались песни»...*

– А это, – заметил Гай Элий: -

*«Чего не портит пагубный бег времени?
Ведь хуже дедов наши родители,
Мы хуже их, а наши будут
Дети и внуки еще порочнее».*

– Надеюсь, наших детей такая участь минует, – засмеялась бездетная Виния.

Марциал, недовольно ерзавший на своем месте, громко обратился к Парису.

– Ты, я вижу,ходишь в число «ревнителее старинее». По-твоему, ничего достойного нынешними поэтами не создано?

Глаза Париса весело блеснули. Сохраняя полнеешую серьезность, он ответил:

– Ну, почему же? Мне по душе сочинения Стация...

Марциал негодующе фыркнул.

– Или Валерия Флакка...

Марциал задохнулся от негодования.

– Или... – Парис замолчал, словно изо всех сил напрягая память.

Фуск прижал ладонь к губам, Виния задумчиво разглядывала орнамент на чаше, у цензуриона подозрительно вздрагивали плечи, Гай Элий накинул на голову край тоги.

– Да! – спохватился Парис. – Ты ведь тоже поэт.

– Именно я поэт, – отвечал Марциал, не теряя достоинства. – Дать тебе свиток? Мое любимое... – Марциал начал разворачивать пергамент.

Парис вскинул ладонь.

– Оставь. Я не жалуясь на память.

И он немедля изрек:

*– Есть и хорошее, есть и так себе, больше плохого
Здесь ты прочтешь: ведь иных книг не бывает, Авит.*

Голос актера звучал весьма выразительно, только автор не казался довольным. Кислой улыбкой ответил он на аплодисменты, подозревая в выборе цитаты некую злонамеренность.

Парис, посмеиваясь, вторично отверг попытку Марциала вручить ему наилучший стих. Все также смеясь, приподнялся на ложе:

*– Плохо откладывает то, что окажется впредь недоступным,
Собственным надо считать только лишь то, что прошло.
Нас поджидают труды и забот непрерывные цепи;
Радости долго не ждут, но, убегая, летят.
Крепче их прижимай руками обеими к сердцу:
Ведь из объятий порой выскользнуть могут они.*

*Нет, никогда, мне поверь, не скажет мудрец: «Поживу я»,
Жизнью завтрашней жить – поздно. Сегодня живи.*

На этот раз и автор, и гости оказались одинаково довольны выбором. Марциал был объявлен не только поэтом, но и философом. Виния тотчас вспомнила дни, когда отец распоряжался на Палатине и полагал будущее свое блестящим. Мог ли представить, что скоро будет убит, а дочь его никогда не станет Августой? Впрочем, долго предаваться подобным размышлениям ей не пришлось, ибо Парис с каменным лицом прочел третий стих:

*– О, Флавиев род, как тебя обесславил
твой третий наследник.
Из-за него не бывает лучше б и первым двоим.*

Теперь окаменели слушатели. Виния со звоном поставила чашу на стол, испуганно обернулась к брату, не зная как сгладить неловкость. Гай Элий улыбался, опасность всегда горячила ему кровь. «Дойди сказанное до императора, нам разом прикажут вскрыть вены. Забавно, какие у всех стали лица». Марциал, запинаясь, пытался объяснить, что ему напрасно приписывают столь кощунственные строки. Разве он не самый преданный слуга Цезаря?

Марк невозмутимо продолжал трапезу – у префекта Фуска не должно возникнуть ни малейшего сомнения в том, что его центурион туг на ухо.

Фуск в ярости бросил Парису по-гречески:

– Дерзкий, зачем ты чудовище дразишь?

Парис в третий раз поймал его взгляд. И Фуск, наконец, понял немой вопрос: «Что, исполнился мой срок?»

Виния уже собиралась выглянуть в окно и сказать что-то о луне и ветре, когда в экус вошел Гермес. С ужасом уставился на опустевший стол.

– Что случилось? – нетерпеливо воскликнула Виния.

Старик поднял на нее глаза. Опомнился:

– Тебя, госпожа, спрашивает какая-то девушка.

– Меня? – Виния очень удивилась. – Она не назвала себя?

Гости с облегчением прислушивались к разговору.

– Нет, госпожа. По виду – знатная девушка. Носилки у нее не чета твоим, не в обиду тебе будь сказано, – Гермес вновь выразительно оглядел стол. – И рабы, и одежда...

– Так что ей нужно? – перебила Виния.

– Она спрашивает, нет ли здесь префекта Фуска?

– Ах, вот как? – Виния бросила на пораженного Фуска убийственный взгляд. – Пусть войдет. Я жажду с ней познакомиться, – добавила она сладеньким голоском.

Гай Элий с сочувствием поглядел на префекта. Фуск выразительно пожал плечами. Теперь все: и гости, и хозяйка с жадным интересом обернулись к двери. Даже Марциал немного успокоился.

Прозвучали шаркающие шаги старика, казалось, он возвращается один, но неожиданно следом за рабом в освещенный зал из темноты беззвучно вступила девушка.

– Корнелия! – вскричал потрясенный Фуск.

Виния в изумлении и некотором испуге уставилась на дочь префекта. Корнелия отличалась высоким ростом, пленительным сложением и была одарена всем, чем может одарить юность: здоровым румянцем, нежной кожей, собственными густыми локонами. «Она вовсе на него не похожа», – думала Виния, созерцая массу черных кудрей и серые с прозеленью

глаза. Корнелия чуть повернула голову, отыскивая взглядом отца, стремительно шагнула вперед. «Ох, нет, похожа. Как она улыбается? Как ее отец? Тогда Рим погиб».

Но Корнелия не улыбнулась. Обратилась к Гаю Элию, занимавшему место хозяина.

– Могу я войти?

– Конечно! – воскликнула Виния, опережая брата.

– Простите, что прервала вашу трапезу, – сказала девушка.

Фуск, наконец, опомнился.

– Корнелия, откуда ты?

– Сегодня высадилась в Остии, – ответила она спокойно и ясно. Подождала несколько мгновений, пока префект сообразил подвинуться и уступить ей часть ложа. Села. Объяснила: – Хотела сразу отправиться в Альба-Лонгу, но, по счастью, услышала, что император в Риме. И тогда поспешила домой.

Фуск вовсе не был доволен ответом.

– Но почему ты покинула Толозу? Почему не сообщила мне? Я бы прислал людей...

– Мне достало собственных слуг, – ответила Корнелия так, словно для юной девушки было самым обычным делом отправиться в дальнее путешествие. – Боюсь, мое письмо запоздало. Я отослала его за неделю до отъезда.

Виния Руфина смотрела на нее во все глаза. «Мне бы такую уверенность – в тридцать лет, не то, что в пятнадцать».

– Быть может, – Корнелия поднялась, – мне следовало дождаться тебя дома? Прости, не утерпела, – добавила она все также мягко, спокойно, без малейшего намека на улыбку.

Виния бурно запротестовала. Не может же гостя так сразу покинуть ее дом, не отпив ни глотка вина, не вкусив угощения. Не дожидаясь согласия префекта и его дочери, хлопнула в ладоши.

– Гермес, подай чашу.

Корнелия взглядом спросила позволения отца, вновь села, приняла кубок, сплеснув немного вина, призвала милость богов на обитателей этого дома.

Остальные молча наблюдали за ней. Мужчины улыбались – с каждым мгновением все шире и шире. И, по мнению Винии, – глупее и глупее. «Ну, да, лицо не испорчено румянами и белилами, тело – тугими повязками. Но локоны, рассыпавшиеся в беспорядке – я знаю, сколько часов она провела перед зеркалом, создавая такой беспорядок».

Марк положил, наконец, огрызок яблока, который продолжал машинально сжимать в руке. А говорят, боги не сходят на землю! Сколько он повидал женщин: и в Британии, и в Паннонии, и в Германии, и в Мезии, и в Далмации, везде, где проходил его легион; и в самом Риме – столице мира – белокожих, золотисто-смуглых, рыжих, черноволосых, белокурых... И он смеет сказать: смертные женщины такими не бывают.

Корнелия, не смущаясь, внимательно оглядела каждого. Встретившись с ней взглядом, Виния невольно опустила глаза. Показалось вдруг, что неулыбчивая девушка видит ее, Винию Руфину, не такой, как видят другие, то есть не просто любезной хозяйкой, изящно одетой и причесанной, с чашей вина в руке, развлекающей гостей... Нет, ей открылась Виния Руфина, рыдавшая над телом отца, Виния, забрызганная кровью Тигеллина, Виния, впервые заглядевшаяся на Корнелия Фуска...

Дочь Корнелия Фуска и прекрасной Антонии сидела, держа в маленьких ладонях чашу с вином. Виния, не в силах одолеть неловкость, тщетно искала тему для разговора. Гай Элий с обычной легкостью и учтивостью поспешил ей на помощь и принялся расспрашивать гостью о том, как прошло путешествие.

– Я очень люблю море, – говорила Корнелия. – Когда стоишь у борта и ряды весел мерно опускаются в зеленоватую воду. И везде, куда ни оглянись, только вода и небо... В течение дня море меняет цвет. Ранним утром оно серое. Потом пробегает огненная дорожка... В полдень

слепит глаза – больно смотреть. Ближе к вечеру – изумрудное, а временами – густо-синее, без примеси иного цвета...

Виния тотчас увидела закутанную в покрывало фигурку, облокотившуюся о борт. Представила, как спокойно она отдает приказания. И рабы (что рабы, сам капитан!) повинуются одному взгляду, жесту...

– Мы десять дней не могли отчалить – штормило.

Фуск вообразил, как дочь верхом или в конных носилках путешествует по пустынным дорогам, разыскивает в порту нужный корабль, договаривается с капитаном... Увидел ее в сутолоке и грязи прибрежных таверн, окруженную зеваками... Ясно, что Антония не взяла на себя хлопоты, связанные с отъездом.

– Мне хотелось бы отправиться в долгое морское путешествие, – говорила Корнелия.

Виния вздохнула:

– Однажды мы с дядей плыли в Египет... Я, и сойдя на берег, не сразу опомнилась от морской болезни.

– Боги были милостивы, эта беда меня миновала... – Корнелия остановила взгляд на Винии, и та снова опустила глаза. – Это дивное ожерелье – египетское? Жук-скарабей считается священным у египтян.

На мгновение воцарилась тишина. Фуск резко повернулся к дочери. Гай Элий с неудовольствием взглянул на сестру. Марциал, Парис и Панторпа скосили глаза на Фуска. Что до Марка, то он все время смотрел на Корнелию. Та почувствовала всеобщее замешательство.

– Прости, если мой вопрос тебя обидел.

– В твоём вопросе нет ничего нескромного, – отвечала Виния с некоторой запальчивостью. – Просто об этом ожерелье говорят больше, чем следует. За пятнадцать лет толки могли бы и поутихнуть... – она взяла себя в руки. – Ты спрашиваешь, не из Египта ли оно? Не знаю, мне его подарили в Риме, – она бросила быстрый взгляд на Фуска, увлеченно созерцавшего надкусанный ломоть пирога. – Собственно, даритель искусно покупал расположение моего отца.

Она замолчала, но так как никто не нарушил тишину, заговорила вновь.

– Я рассказываю об этом без стеснения: и отец, и тот человек давно за все расплатились. Сполна, – тут она помедлила и пробормотала вполголоса, словно обращаясь к самой себе. – Если только собственным страданием можно искупить муки, причиненные другим...

Парис веско промолвил:

*– Кару нести потому и должны они все – чтобы мукой
Прошлое зло искупить. Одни овеваемы ветром,
Будут висеть в пустоте, у других пятно преступленья
Выжжено будет огнем или смыто в пучине бездонной.
Время круг свой замкнет, минуют долгие сроки —
Вновь обретет чистоту, от земной избавленный порчи,
Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем зажженный.
Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело вселиться.*

Парис так прочел эти строки Вергилия, что не только Виния, но каждый – даже язвительный Марциал, даже замечтавшийся Марк, почувствовали себя неудобно. Каждому вспомнилось нечто такое, чем не хотелось делиться с другими. Судя по нахмуренным бровям Париса – и он вспоминал.

– Я чту наших богов, – негромко проговорила Корнелия, – но боги Египта вселяют особый страх. Суд над умершими они вершат в подземных чертогах. На одну чашу весов бросают сердце человека, а на другую – легкое перо богини Маат...

Губы Винии приоткрылись, вино из накренившийся чаши плеснуло на стол. Она уже видела это однажды! Хоровод теней на стене... Фигуры с головами сокола, льва, крокодила...

– Почему ты вспомнила о богине Маат? – спросила Виния, и Фуск не узнал ее голоса.

– Прости, – Корнелия быстро взглянула на нее.

Виния судорожно вздохнула. «Почему Немезиду изображают с завязанными глазами? У нее глаза серые с прозеленью, а на губах нет улыбки... Какую кару понес мой отец? А Тигеллин? Подумать страшно»...

– Что за разговоры к ночи! – сердито воскликнула она. – Эй, подать еще вина! Подлить масла в светильники. Нашим невинным забавам и боги улыбнутся...

Повернулась к Марциалу.

– Я видела, ты что-то писал. Не откажись прочесть, доставь нам удовольствие.

– Ты всерьез полагаешь, что он может отказаться? – спросил Гай Элий, не понижая голоса.

Виния зашипела на него.

– Конечно, если ты настаиваешь, я прочту... – Марциал раскрыл таблички.

– Заметь, он не обидчив, – подсказал Элий.

Тут Виния, потеряв всякое терпение, ущипнула брата.

– Ты хочешь сам блеснуть или доверишь бессмертное творение Парису? – не унимался Гай Элий.

По виду Марциала было ясно, что он намерен блеснуть сам. Он встал, расправил складки одежды, обернулся лицом к месту, которое занимал почетный гость, и прочел:

*– Если, Фуск, у тебя есть место в сердце, —
Ведь друзья у тебя там отовсюду, —
Мне, прошу, уступи ты это место
И меня, хоть я новый, не гони ты.
Ведь и старые все такими были.
Ты за тем лишь смотри, чтоб каждый новый
Стать когда-нибудь мог старинным другом.*

Закончив, он сложил таблички и обвел всех блестящими глазами. «Ну? Слышали вы что-нибудь подобное?»

– Куда там Вергилию, – пробормотал Гай Элий.

Марциал был с ним полностью согласен.

– Такие стихи нельзя не признать великолепными, – широко улыбнулся Парис.

– Конечно, – подхватил Элий. – Наживешь сразу двух врагов – автора и адресата...

– Благодарю, Марциал, – откликнулся префект. – Сказано любезно...

– И с большим чувством! – укоризненно воскликнула Виния.

Фуск улыбнулся ей.

– Буду счастлив назвать другом гордость римских поэтов.

Марциал счел, что этот стих принесет ему больше выгод, чем все изданные прежде книги.

Фуск повернулся к Парису.

– Жаль прерывать столь приятное знакомство. Но, говорят, твой отъезд уже решен? Держишь путь в Афины? Что ж, греки истинные ценители искусства... не то, что жадные до крови римляне...

Парис взгляда не отвел.

– Ты ошибаешься, префект, – проговорил он медленно и четко. – Я не собираюсь покидать Рим.

Фуск нахмурился. Виния вонзила ногти в ладони.

– Что ж, возможно, соберешься теперь, – заметил префект, и в глазах у него не было ни тени улыбки. – Афины – прекрасный город...

– Достоинства Афин мне известны, – жестко откликнулся Парис. – Как и пороки Рима. Потому и остаюсь...

– Красно говоришь, – Фуск резко отвернулся.

У Винии задрожали губы.

Гости начали прощаться. Марциал испросил позволения у префекта завтра же утром принести ему переписанный набело стих.

– Буду рад видеть тебя не только завтра, но и каждый день, – понимающе улыбнулся Фуск.

Корнелия самым ласковым голосом попросила у хозяйки прощения, но так и не улыбнулась. Гай Элий вызвался проводить девушку до лектики, и простился с сестрой, по ее мнению, как-то небрежно.

Панторпа со слезами на глазах пробормотала Парису слова прощания; она почувствовала неладное. Парис погладил девушку по голове, велел обязательно быть послезавтра на представлении «Антигоны».

Корнелий Фуск положил руку на плечо центуриона. Тот вздрогнул, словно очнувшись от сна.

– Марк, – сказал префект, – время позднее, улицы небезопасны. Проводи нашего знаменитого гостя, – он кивком указал на Париса.

У Винии слезы благодарности навернулись на глаза. Она даже не заметила, как резко Парис выпрямился, какой взгляд бросил на нее.

– Да, префект, – ответил центурион.

Корнелий Фуск улыбнулся.

– Это не приказ, а просьба.

Парис удалился в сопровождении преторианца. Ушла и Панторпа – с твердым намерением дожидаться Винию и расспросить обо всем.

– Как выразить мою благодарность... – Виния коснулась руки Фуска.

– У тебя для этого такие богатые возможности, – засмеялся префект.

Они нехотя расстались. На пороге Фуск обернулся.

– Не забудь о порошках Зенобия. Порадуй меня – поправься.

– О, будь спокоен, до завтра я не умру, – утешила его Виния. – Завтра скачки.

* * *

Виния едва держалась на ногах. Путь от атрия до кубикла казался неодолимым. Она стояла, привалившись спиной к колонне, и сквозь распахнутые настежь двери видела мелькание огней: слуги убирали остатки трапезы.

Виния почувствовала, что задыхается. Сделав несколько нетвердых шагов, вышла во двор. Жара почти не спадала, но в перистиле было свежее, чем в комнатах. Тихо поскрипывала старая олива. Ветер доносил водяную пыль фонтанов. Оглушающее пахли белые лилии.

Когда-то перистиль в доме Тита Виния украшали десятка два статуй, из которых уцелели лишь две скульптурные группы: Медея, обнимавшая детей, и Рея Сильвия с близнецами Ромулом и Ремом на руках. Посеребренный луной мрамор мягко светился. Копии с греческих оригиналов являли совершенство черт и пропорций.

Обычно ваятели изображали Медею, занесшей кинжал или меч. Однако эта скульптура была совсем иной, чем и нравилась Винии. Одной рукой Медея прижимала к себе младшего мальчика, другой – обнимала и одновременно отталкивала назад, к себе за спину, старшего, словно торопясь закрыть его от опасности. Винии казалось: в этот миг Медее передали приказание царя – она должна отправиться в изгнание, отдав детей Ясону и его новой жене.

Виния никак не могла взять в толк: почему Еврипид, сочиняя трагедию, сделал Медею убийцей собственных детей. Древнее сказание гласило: послав сопернице отравленный наряд, Медея бежала из Коринфа. Детей оставила в храме Геры. Но коринфяне, разгневанные гибелью своей царевны, нарушили неприкосновенность убежища и убили детей.

Виния вздрогнула – чья-то холодная ладонь коснулась ее руки.

– Панторпа? Что ты здесь делаешь? Иди спать, уже поздно.

Холодные пальцы Панторпы только крепче сдавили ее запястье.

– Парису грозит опасность?

– Я не знаю.

– Нет. Знаешь. Зачем префект Фуск послал с ним центуриона? Почему советовал уехать?

– Панторпа, – устало откликнулась Виния. – Я ничего не знаю. Поговорим утром.

– Нет. Скажи сейчас. Парис известен, всеми любим...

– Слишком известен, слишком любим...

– Так это правда? Император ненавидит его? Префект Фуск не мог не предупредить тебя...

– Еще ничего не известно, – терпеливо повторила Виния. – Но дурные предчувствия...

Панторпа отступила на шаг. Воскликнула:

– Пусти, я пойду к нему!

– Сейчас? Ночью? – теперь Виния схватила ее за руку. – Ты с ума сошла!

– Я должна его предостеречь.

– Префект уже сделал это.

– Я сумею убедить Париса уехать.

– Не говори глупостей, – рассердилась Виния. – Если префект не убедил... Парис взрослый человек...

– Ты так спокойна! – взвилась Панторпа. – Речь идет о его жизни!

Виния на мгновение прикрыла глаза. В ушах звенело.

– Я не спокойна. Мне страшно. Проси богов...

– Просить богов, вместо того, чтобы помогать самой? – перебила Панторпа.

– Сейчас ты не сможешь. Напротив...

– Почему? – снова разгорячилась Панторпа.

Виния опустила на колени, а потом и села на песчаную дорожку. Ноги не держали. Можно было бы просто прикрикнуть на Панторпу и идти спать, но Виния боялась, что девушка и впрямь побежит ночью через весь город к Парису. «Влюбленные упрямы, как»... Не найдя подходящего сравнения, она сказала:

– Если Парис решит уехать, ты окажешься обузой. Если же нет... Он вправе выбрать свою судьбу. С нашими страхами, нашей болью мы должны справляться сами.

– Но я хочу быть рядом с ним.

– Прости, Панторпа, – резко сказала Виния. – Он не звал тебя.

– Я знаю, – мотнула головой Панторпа. – И про Домицию тоже знаю. Придти к нему жить я не могла бы незваной. Но умереть с ним вместе – могу! – воскликнула она, воздев руки.

Жест был великолепен, жаль, Виния не оценила.

– Нет, не можешь.

– Я желаю разделить его судьбу.

– Забудь о своих желаниях.

Панторпа попятилась и взглянула на нее исподлобья.

– Прости, госпожа. Я всего лишь рабыня.

Виния так рассердилась, что не сразу смогла ответить. Ей хотелось воскликнуть: «Панторпа, оставь в покое и меня, и Париса! Ни у меня, ни у него нет ни сил, ни желания успокаивать».

вать влюбленную девчонку. Парис сам решит, что делать дальше». Но она знала, что Панторпа останется глуха к ее словам, ибо сейчас внимает лишь голосу чувств.

– Панторпа, забудь, что ты моя рабыня. Ты ученица Париса.

– Я помню это.

– Плохо помнишь. Или не понимаешь. Парис два года выбивался из сил, занимаясь с тобой – ради чего?

Панторпа смотрела на нее круглыми глазами.

– Ради того, – яростно продолжала Виния, – чтобы его искусство не умерло вместе с ним.

– У него есть Клеон и Диомед, – еле слышно возразила Панторпа.

– Будь Парису нужны только они, он бы и учил только их, – вспыхнула Виния. – Парис надеялся: ты скажешь то, что он не успел досказать...

– Нет! – закричала Панторпа. – Я не хочу! Я не смогу без него!

– Что за крик, что за плач? – прозвучал низкий мужской голос.

Панторпа, подобрав края туники, опрометью кинулась в дом. Слишком хорошо знала, кому принадлежит голос. Виния, удивленная еще более, обернулась.

В дверях застыл черный силуэт. Особенно поразило Винию то, что гость явился не со стороны атрия, откуда полагалось бы, но из глубины дома.

– Дядя? Откуда ты?

– Из твоего кубукула, дорогая. Ты не известила меня, что намерена ночевать под открытым небом. Я прождал два часа, собираясь пожелать тебе спокойной ночи.

Анций подошел к племяннице, остановился, оперев руки в бока. Виния глядела на него снизу вверх. Сейчас дядя казался ей особенно худым и особенно высоким. Правда, с годами он начал сутулиться. Анцию было за шестьдесят, но выглядел он моложе, несмотря на седину. Близко посаженные серые глаза оставались такими же ясными и чистыми, как у Гая Элия. И жизни в них было не меньше. А вот яду, пожалуй, больше. Как и в голосе.

– Два часа? – не поверила Виния. – Так ты пришел, пока еще были гости... Почему же ты...

– Не порадовал их своим присутствием? Я решил, что с тебя достаточно незваных гостей.

– Но, дядя! – возмутилась Виния. – Я не позвала тебя, потому что ты их всех терпеть не можешь: и Марциала, и Париса, и...

– Согласен, не жалую. Софокл мне больше по душе. Поэтому я провел время в его обществе. Свиток лежал у тебя подле кровати, – пояснил он. – Тебе не случалось оценить преимущество разговора с собеседником, который не может ничего возразить?

– Но, дядя...

– Теперь ты спрашиваешь, зачем этот старый осел пожаловал? Я, разумеется, не о Софокле.

– Но, дядя, – рассмеялась Виния, – ты несправедлив.

– Разумеется. Я не только несправедлив, но и пристрастен. Доказательство тому то, что я избаловал тебя совершенно.

Виния развела руками. Слов у нее не было.

– Скажи, это новый способ лечения: сидеть на холодной земле?

– Песок теплый, – возразила Виния.

– Препираться со старшими – это тоже новая добродетель? Весьма распространенная, должен признать. Вчера мой почтительный сын пытался меня вразумить, сегодня – племянница. Я, конечно, весьма признателен...

– Твой почтительный сын, – перебила Виния, – не умеет держать язык за зубами.

– Ты о своей болезни?

Анций положил руку ей на лоб.

– Гай до сих пор уверен, что сумел меня провести. Как видишь, он невысокого мнения о моей проницательности, дорогая племянница. Впрочем, как и ты.

– Но, дядя...

– С Гаем еще вчера сделался приступ необыкновенного веселья, – Анций отнял руку и заставил Винию подняться с земли. – А я по опыту знаю: когда он так весел, скрывает беду.

Анций взял Винию под руку и ввел в дом.

– К тому же, он два дня ходит за тобой по пятам. А так как подобное постоянство ему не свойственно, то я заключил, что беда стряслась именно здесь.

– Но как ты узнал, что я больна? Я так плохо выгляжу?

– Ужасно.

– Правдивость – добродетель людей старой закалки, – ввернула Виния.

– Боюсь, если я вновь проявлю ее, ты рассердишься.

– Говори. Я приготовилась к худшему.

– Видишь ли, раз префект Фуск не остался в твоём доме на ночь... А рассчитывать на твое благоразумие не приходится...

– О, – сказала Виния.

– То я заключил, что ты больна и больна серьезно. Полагаю, префект утратил интерес к твоей особе по той же причине. Больных жен не любят.

– Ты ничего не знаешь, – вспыхнула Виния. – Его дочь вернулась из Толозы...

– Ну, да, а иначе он всю ночь просидел бы у твоего изголовья.

У Винии слезы навернулись на глаза. «Я и в самом деле больна и плаксива».

– Дочь Корнелия Фуска и Антонии, – Анций неодобрительно покачал головой.

– За что ты его так не любишь?

– Он из той же породы, что были твой отец или Антоний Прим... Блеск, риск, азарт – мир у ног, мир во прахе... Миг – и сам во прахе.

– Ты не можешь судить.

– О, да, Фуск на вершине еще не был. Но теперь близок к ней, как никогда. Мне бы не хотелось, чтобы ты оказалась рядом, когда он решит показать, на что способен.

– Я дважды была замужем, – отвечала Виния с некоторым раздражением. – Один раз меня выдал отец, ибо так было принято: я вошла в возраст невесты. Другой раз поторопилась сама – из страха одиночества... Почему бы мне не выйти замуж по любви? В виде исключения? – и тут же, перебив себя, она воскликнула. – Дядя, умоляю, посмотри, дома ли Панторпа, и запрети ее выпускать. Боюсь... неважно, потом объясню... иди.

– Можешь не объяснять. Иду, но при условии, что вернувшись, застаю тебя спящей.

Анций вышел. Рабыня подала Винии кувшин с водой. Умывшись, Виния повалилась на ложе, прикрыла глаза рукой. Честно попыталась уснуть, но не смогла. Она задыхалась, подушка жгла, доносили мысли – о Парисе и Панторпе.

Услышала шаги Анция, она отвела ладонь от глаз.

– Привратник спит крепчайшим сном, и будить его я не стал, – начал Анций и тут же вскинул руку в предупреждающем жесте, ибо Виния рванулась с кровати. – Лежи, лежи. Панторпа дома, и стонами своими переполошила уже всех. Кажется, только кухонные рабы не сбегались, остальные толпятся вокруг ее ложа. Сейчас ее отпаивают водой... Впрочем, водой ли? – усомнился Анций. – В твоём доме и фалернское могли позаимствовать... Затем ей начнут растирать руки и ноги: видел я, как обихаживают слезливых девиц. Так что до утра она не вывется.

Винии был неприятен насмешливый тон Анция, и она поспешила вернуться к прежней теме.

– Я дважды была замужем, и оба раза – без любви.

– Ну, если в первом случае ты можешь попрекать отца, то во втором – винить некого, сама выбирала.

– Верно, – вздохнула Виния. – После гибели отца я за кого угодно готова была замуж выйти, лишь бы не оставаться одной по ночам. Что и доказала...

– Да уж! – Анций до сих пор содрогался, вспоминая второго мужа Винии. – Разборчивой невестой тебя никто бы не назвал.

– Согласись, как только страх темноты прошел, настал конец и моему замужеству.

– Надеюсь, префект любит тебя, – сказал Анций тоном, ясно показывающим, что он не питает ни малейшей надежды.

– А вот завтра увидим, – смеясь, заявила Виния. – Прежде на скачках Луций всегда ставил на «зеленых», а ради меня поклялся изменить своим пристрастиям. Так что мы держим пари за «синих». Скажешь, это ли не жертва во имя любви? Кто бы отважился на такое?

Анций безнадежно махнул рукой. В его глазах зажглась искра подозрения.

– Держите пари, говоришь?

– То есть, он держит, – торопливо поправилась Виния.

– Не лукавь, племянница. Я, может, стар, да не так глух. Ты сказала: «Мы держим».

Виния смущенно разглаживала складки покрывала.

– Я хочу знать, сколько ты поставила, – отчеканил Анций.

– Совсем немного, дядя, я не могу рисковать... И вовсе не рассчитываю подобным способом поправить свои дела.

– И все-таки – сколько? – допытывался Анций.

– Меньше, чем я трачу в день на содержание этого дома и рабов...

– И все-таки?

Виния закрыла глаза и назвала сумму.

– Я не понимаю, – прозвучал голос Анция. – Если ты столько тратишь ежедневно, то как еще не просишь подаяния у Капенских ворот?

Виния не стала спорить.

– А сколько поставил префект Фуск?

– Много больше. Он богат.

– Это он-то богат? – усмехнулся Анций. – Добрая половина Рима разбогатеет, когда он долги раздаст.

– Неважно.

– Конечно, – охотно согласился Анций. – Теперь, когда он префект преторианцев, это просто не может иметь значения.

– Я не то хотела сказать...

– Оставь, племянница. Твоя преданность бескорыстна, охотно верю.

Они помолчали.

– Но я не могла отказаться от пари, – принялась оправдываться Виния. – А на меньшую сумму и спорить неловко...

– С кем ты билась об заклад?

– С Гаем.

Табурет под Анцием закрипел.

– Час от часу не легче. Римский претор! Я полагал, он достаточно взрослый, чтобы не поддаваться дурному влиянию.

– Я должна была поддержать Меппа! – горячо воскликнула Виния. – Он клянется, что его никто не сумеет обойти. Мол, у него лучшая упряжка во всей империи. Я и сама так думаю. И вдруг он узнал бы, что я отказалась держать пари!

– Так Мепп бывает здесь?

– Каждое утро является меня приветствовать, как и положено доброму клиенту.

– В этом доме собирается все римское отребье, – заметил Анций. – Только гладиаторов не хватает для полного счета.

Виния прихлопнула рот ладошкой. На днях кто-то упрашивал ее пригласить бестиария Карпофора. Ах, да, Септимия, молодая жена дряхлого мужа. Ну, ни за что! Скорее она пригласит тигра или ягуара, из тех, что безжалостно убивает доблестный Карпофор.

– Мепп – отпущенник моего отца, – напомнила Виния.

«Ручаюсь, – говорил Тит Виний, покачивая огненной головой, – этот мальчишка возьмет все призы: и пальмовые ветви, и венки, и золото, если, конечно, прежде не свернет себе шею».

Снова воцарилось молчание. Наконец, Анций поднялся.

– Уже середина ночи. Я своей болтовней не даю тебе спать – тоже целитель нашелся.

Виния проводила дядю до порога, а затем на цыпочках вошла в комнату Панторпы.

– Она спит, госпожа, – послышался из темноты голос Намии, рабыни-эфиопки. – Благородный Анций велел дать ей вина с сонной травой. Она спит.

– Вот как? – Виния улыбнулась. – Хорошо.

Корнелий Фуск снял с ее плеч одну заботу, дядя Анций – другую. Виния легла и, несмотря на лихорадку, сумела уснуть.

* * *

Десять лет в легионах – шаг легок и тверд, подбитые гвоздями подошвы звонко стучат по мостовой. На левой руке – золотое запястье – почетное отличие за участие в Британской войне. На груди, под панцирем – длинный белый шрам. Да, Марк знает, что такое мечи варваров. Повидал он их горные убежища, повидал боевые колесницы: начинал службу не в столице, среди портиков и таверн – в знаменитом Четырнадцатом легионе, под командованием таких военачальников, как Юлий Фронтин и Юлий Агрикола. Был ранен, был награжден, дослужился до центуриона второй когорты, был замечен, переведен в преторианскую гвардию, и здесь получал повышения.

Десять лет службы за плечами. С восемнадцати лет в легионах. Алый султан на шлеме, привычная тяжесть доспехов.

Марк положил руку на меч: впереди, в проулке смутно шевелилась какая-то темная масса. Парис жил на Авентине. Не успел, или не хотел перебраться в богатый квартал. Марк усмехнулся, представив, как смотрелись на узких улочках Авентина роскошные носилки Домиции, если и впрямь Августа подарила актера вниманием. Или ей приходилось тунику рабыни надевать?

Марк помотал головой. Нет ему дела ни до Августы, ни до городских сплетен. Но если на мгновение позволить себе забыть... И вообразить некую знатную девушку в платье рабыни, спешащую на свидание с преторианцем...

Меч с легким свистом вылетел из ножен. Темная груда распалась на отдельные фигуры, послышался звон черепков, разбитый кувшин покатился под ноги Марку, расплескивая содержимое. В воздухе растекся кислый запах дешевого лигурийского вина. Темные фигуры забились в какие-то невидимые щели. Многолетний опыт подсказывал обитателям трущоб, что стук солдатских сапог да звон меча ничего доброго не сулят.

В левой руке Марк держал факел. Свет пробежал по стенам домов, наглухо запертым дверям и ставням лавок. Порой в щели пробивался ответный лучик, доносились звуки перебранки, а то и шум потасовки, детский плач. Громко хлопали двери таверн. Завсегдагаи удалялись нетвердой походкой, поддерживаемые женщинами в алых и лиловых одеяниях, иногда такими же пьяными, как они сами. Марк все время слышал шаги: то стремительные, то крадущиеся; но и встречные, и невольные попутчики одинаково избегали попадать в пятно света.

Марк кивком спрашивал у Париса дорогу, актер указывал – также безмолвно. Возможно, стоило удивиться: почему великий Парис, гордость Рима, избрал обиталищем Авентин. В память о тех днях, когда оборванным мальчишкой бегал купить хлеба на асс в ближайшую таверну? Когда Нерон казнил его отца, вдова с двумя детьми укрылась в самом бедном и грязном квартале города. Сестра Париса умерла... Марк слышал, как судачили об этом на Форуме.

Марк несколько раз бывал в театре – сопровождал императора. Видел Париса в «Агамемноне» и в «Алкесте». Стыдно признаться, но он, Марк, воин, отслуживший десять лет, центурион, которому поручена была охрана священной особы императора, начисто забыл о службе и долге, едва началось представление. Марк помнил, как он, придирчиво окинув взглядом цепочку солдат, мельком, без любопытства взглянул на сцену. И все. Очнулся он, только когда занавес, поднятый из особой щели в полу, скрыл актеров, когда грянули аплодисменты. Он влажными пальцами сжимал рукоять меча, все тело затекло, похоже, за время представления он ни разу не пошевелился, с ноги на ногу не переступил. Если бы рядом с ним заговорщики набросились на императора – не заметил бы. Такого стыда он не переживал с первого своего боя, когда от растерянности едва не зарубил кого-то из своих. Но тогда он был юнцом. А теперь... Непростительно.

Марк искоса взглянул на Париса. Верно, актеру было бы лестно услышать эту историю. Парис, в свою очередь, быстро посмотрел на него. Марку в его взгляде почудился вопрос, что ли.

Догадаться Марк не успел. Со стороны Большого цирка появился отряд городской стражи. Лицо Марка начала заливать краска, губы презрительно сжались. Он смотрел прямо перед собой, в упор не замечая встречных. Между преторианцами и городской стражей существовала давняя вражда.

Парис замедлил шаг. Марк требовательно мотнул головой, но актер и не думал подчиниться. Он смотрел на приближавшихся как бы в нерешительности. Марку пришлось остановиться.

Городские стражи прошли совсем близко. Командовавший ими трибун грубо оттолкнул Париса в сторону. Марк стиснул зубы – затевать ссору не имело смысла. В неравной схватке доверенного ему актера могли всерьез искалечить. Марк хорошо запомнил стеклянные глаза и перебитый нос трибуна. Когда-нибудь он вновь встретится с этим человеком. Но ярость еще не остыла, и Марк резко сказал Парису:

– Идем.

Актер, смотревший вслед солдатам, повернулся. Лицо его было неподвижно.

– Ты можешь убить меня теперь, если хочешь. Здесь достаточно темно и пустынно.

Марк открыл рот. От удивления он просто прирос к мостовой.

Парис неожиданно рассмеялся.

– Урок мне, – сказал он. – Вот как надо отыгрывать изумление.

Он снова засмеялся и покачал головой. Марк все не мог опомниться.

– Префект Фуск и впрямь печется о моей безопасности? – чуть насмешливо спросил Парис. – Что он приказал тебе?

– Ты же слышал. Проводить тебя до дома.

– И все?

– Да.

– Ну, идем, – Парис, посмеиваясь, направился дальше.

Марк следовал за ним, мучительно пытаясь осознать случившееся. Наконец, ему удалось выстроить цепочку: Парис – Августа Домиция – император – префект Фуск. Если император и впрямь гневается на актера, приказ должен будет выполнить префект Фуск. Марк сказал:

– Отправься я с иным поручением, Виния Руфина не была бы так спокойна.

– Не переживай, тебе еще представится случай отличиться, – сказал Парис, и сам почувствовал, что шутка вышла неудачной.

В молчании они отправились дальше. Свет факела так же озарял стены домов, закрытые ставнями окна. Шаг Марка оставался так же легкий и стремителен, но... Мысли его не были ни светлы, ни легки.

Не зря шептались болтуны на Форуме. Августа Домиция заметила актера. Заметила и отметила. Император не простит оскорбления. Дерзкий актер обречен. Обречен... И знает это! Недаром оглянулся на солдат – защиты искал. Своего провожатого боялся. Был уверен: префект Фуск уже получил приказ, центуриона послал исполнить.

Марк невольно замедлил шаги. Так и будет. Домициан повелит префекту Фуску, префект Фуск скомандует преторианцам... Кому именно? Ему, Марку? Скверно стало на сердце. Очень скверно. В Британии он против врагов меч обнажал, против варваров. Против кого поднимет меч в Риме? Редкую доблесть проявит – беззащитного актера сразит?

Этим вечером они с Парисом возлежали за одним столом, разделяли угощение. Даже одну виноградную гроздь потянули в разные стороны! Марк вспомнил, как подал Панторпе очищенного рака, а та замешкалась взять – засмотрелась на Париса.

Внезапно ему представилось Панторпа, бьющаяся на земле подле убитого актера. Марк даже головой тряхнул, отгоняя наваждение, так ясно увидел, как волосы девушки полощутся в пыли, а под ногти ей забивается грязь и черная запекшаяся кровь.

Марк скосил глаза на Париса. Тот шел, беспечно помахивая рукой. Бормотал что-то. Что? Слова новой роли? Значит, уже не боялся. Понял – в эту ночь умирать не придется. А может, вовсе не придется умирать?

Недаром префект Фуск твердил про великодушные Афины и залитый кровью Рим. Предупреждал актера, хотел уберечь от беды. Марк чуть не хлопнул себя по лбу. «Вот растяпа! Полководцы не зовут солдат за пиршественный стол. А тебя нынче удостоили подобной чести. За какие заслуги? Тебе доверили охранять актера. Вряд ли завтра прикажут его убить. Подумай, чего от тебя ждут!»

Марку казалось, он это понял. Понял и другое: «Тому, кто ослушается императора, не сносить головы».

– Мы пришли.

Парис остановился возле многоэтажной инсулы. Запрокинул голову, как делал всегда, подходя к дому. Поискал глазами оконце на пятом этаже. Когда-то он ютился в крохотной комнатухе под самой крышей. В жару терял сознание от удушья, да и в холод задыхался от чада маленькой жаровни с углями. В те дни хозяин не помнил его имени, а хозяйка требовала большей платы и грозила выгнать из дома.

Сейчас Парис занимал пять комнат внизу, пять лучших комнат. Хозяин всегда приветствовал его первым, а хозяйка присылала разные угощения. Парис был вежлив с обоими, и они думали, что он забыл прежние дни.

Но он помнил. Помнил не потому, что голодал и задыхался. Именно в те дни он встретил своего первого учителя – Филиппа, грека из Македонии. Когда-то Филипп блистал в Афинах, но внезапно лишился голоса. Ему не удалось собрать труппу, и Филипп отправился странствовать по городам. Нанимался в чужие труппы, обучал новичков азам актерского мастерства. Впрочем, он редко находил учеников и жил впроголодь.

Маленький Парис познакомился с этим человеком, благодаря скупости хозяйки. В тот день на хозяйской кухне жарились пирожки с печенкой, и по всему дому растекался аромат, от которого захватывало дыхание и кружилась голова. За один такой пирожок Парис готов был отдать полжизни, но надеяться на угощение не приходилось. Он знал, что если осмелится заглянуть в кухню, услышит:

– Ступай прочь, голодранец.

А может, и тяжелой хозяйской длани отведаст. Поэтому Парис стремглав слетел с пятого этажа. Буквально скатился по лестнице, стараясь не дышать и торопясь как можно скорее оказаться на улице.

Выскочив за дверь, он едва не сбил с ног седого человека, закутанного в потрепанный шерстяной плащ. Палило солнце, но старик дрожмя дрожал и потирал руки, словно в стужу.

*– Как безумный вихрь, он бежит отсюда,
Мчится, словно Кор, уносящий тучи,*

– заметил старик, покачнувшись.

*– Мчится, как звезда, что порывом ветра
Сметена с небес и в полете светлый
След оставляет,*

– выпалил Парис в ответ.

На него в упор глянули черные глаза, и Парис подумал, что встречный не стар, совсем не стар. Конечно, он сед, но разве не седеют прежде срока?

– Откуда ты знаешь эти строки, мальчик?

Парис не мог объяснить. Слова сами вспыхнули в памяти. Может, он затвердил их в ту пору, когда отец, вышагивая по комнате, вполголоса повторял речи героя и подыскивал жесты, подходящие словам. Может, помнил с тех дней, когда мать, успокаивая плачущую Левкою, напевала ей вместо колыбельной стихи.

Старик опустил на ступеньки.

– Прочти-ка еще, что знаешь.

И Парис прочел. Стихи и отрывки, целые пьесы и отдельные строки. Солнце пересекло небо и скрылось за холмом, а Парис все читал, забыв про сосущую пустоту в желудке. Старик же сидел, закутавшись в плащ, опершись локтями о колени и опустив подбородок на сжатые кулаки.

Когда же Парис замолчал – не оттого, что больше ничего не мог припомнить, просто язык перестал ворочаться, уже не старик, а человек во цвете лет, но рано поседевший, поднялся на ноги, расправил плечи, уронив к ногам потрепанный плащ, и громыхнул на всю улицу:

– Я буду тебя учить, мальчик!

...С тех пор прошло много лет, но каждый раз, как Парис брался за новую роль, в его ушах раздавался хриловатый надтреснутый голос, твердивший:

– Не спеши, ты не в бою. Смотри на нее, мечтай о ней. Тогда слова потекут широко и плавно, а не грянут боевым кличем... Не мямли, ты не скупец, через силу зовущий гостей на пир, ты полководец перед боем! Подумай, во имя чего идешь на смерть!

Вспоминая голос учителя, Парис вспоминал и себя, босоногого юнца со впалыми щеками и вечно разбитыми коленками. Тогда, именно тогда, он открыл и почувствовал в себе великую силу: превращаться в других людей – трусов или героев, говорить их словами, совершать их деяния, слышать их сердце в своей груди.

В память тех дней, того счастья, он и поднимал голову к маленькому оконцу под крышей.

Взглянув на окна своего нынешнего жилья – жилья, в котором горел свет и суетились слуги, Парис задумался о том, сколь шатко его нынешнее благополучие. Что ждет впереди? Домициан разъярен. Домиция...

Стоило подумать о Домиции, как вспоминался душный закат над городом. В ту пору горячий ветер дул с юга, дул много дней подряд, доводя до изнеможения. В такие дни горло пересыхало, губы лопались, а вместо голоса вырывался хрип. Актеры давали представление

в доме сенатора Домиция Тулла. Раб едва успевал подавать им сухие туники. Из-под масок капал пот. Актеры дышали со свистом. Хотелось сорвать маски, глотнуть ледяной воды, упасть ничком на ложе. Шершавый язык царапал небо, а пить было нельзя – голос сядет, жажда разгорится нестерпимо. Зрителям тоже было жарко, душно, муторно. Они вяло двигались, сонно смотрели, медленно думали.

– Легче растрогать рыб на сковородке, – сетовали актеры, возвращаясь с подмостков и слыша жидкие хлопки распаренных ладоней.

В сгустившемся воздухе слова вязли мухами в меде. Оцепенение охватывало и актеров, и зрителей. Спектакль не шел. То ли к концу дня исчерпались силы, то ли жара стала непреодолимой, но жесты героев не были наполнены чувством, а их речи – смыслом. Актеры спешили произнести текст, лишь бы скорее избавиться – и от слов, и от героев, и от зрителей.

Равнодушие актеров передалось зрителям, равнодушие зрителей – актерам. Чем громче звали зрители, тем хуже играли актеры.

Парис видел, что спектакль гибнет, но не знал, что делать. И в эту минуту отчаяния и паники, он ощутил взгляд.

Сенатор Домиций Тулл, его домочадцы и гости занимали кресла, расставленные прямо во внутреннем дворе. Из дверей и окон, выходявших в перистиль, глазели рабы и вольноотпущенники. Только одно окно было задернуто легкой занавесью. Именно оттуда на актеров был устремлен взгляд, который Парис ощутил, как удар бича. Так охотник смотрит на дичь, так воин перед боем смотрит на приближающихся врагов.

Именно этот взгляд пробудил гордость Париса. Гордость Париса-Аякса, великого полководца, сразившего многих доблестных воинов, но прогневавшего богов и по их воле обратившего свой меч против овец.

Теперь духота не мешала актеру, нет. Из такого же душного тумана выбирался Аякс. Медленно, постепенно рассеивался дурман. Медленно осознавал Аякс, что напрасно воображал себя победителем. Он побежденный.

Парис не сомневался: каждому человеку случалось испытать подобное. Мнить себя на вершине и вдруг низвергнуться в пропасть. Каждому доводилось спрашивать себя: как это пережить? Аякс пережить не мог. Он умирал, умирал под трепетные вздохи зрителей. Парис уверился: ему удалось коснуться сердца.

Актеры снискали настоящие аплодисменты. Гости не спешили расходиться. Лишь произнесла множество похвальных фраз, отправились в триклиний – пировать и обсуждать игру актеров, текст пьесы и собственные чувства.

Актеров отослали, наградив. Только Париса хозяин просил обождать. Парис догадывался – зачем. Когда внутренний двор опустел, слегка качнулась занавесь на окне. Парис ждал. Через несколько мгновений во двор вышла женщина.

Парис не был готов к встрече с Августой, но быстро опомнился. Эта женщина имела славу особы, легко потакавшей своим прихотям. Ее внимание могло только польстить актеру. Он привык к восторженным взглядам и нежным речам жен сенаторов и теперь с легкой улыбкой ожидал признаний от жены императора.

– Рабам нужна плеть, – сказала она негромко. – От тебя я ждала большего.

Парис почувствовал, как в сердце просыпаются гнев и ярость Аякса.

– Ждала, что я брошусь на настоящий меч – ради твоей забавы?

Желтоватые глаза ее смотрели не мигая. Этот взгляд напоминал о том, как лучезарный Аполлон снял с сатира Марсия кожу – за дерзость и скверную игру.

– Ты дерзок, – сказала Домиция Лонгина. Не упрекала, не ободряла. Просто утверждала. Мгновением позже спросила: – Почему ты молчишь?

– Боюсь укрепить тебя в этом мнении.

Взгляд ее по-прежнему был острее лезвия меча.

- Плохо сыграть ты не боялся.
- Я не знал, что опечалю твой взор, – огрызнулся актер.
- И не знал, что опозоришь свое ремесло?

Полные губы ее изогнула презрительная усмешка. Домиция понимала, что права, и что это ему прекрасно известно. С ней спорил не актер, спорил мужчина, уязвленный в своей гордости. Она смотрела на него – великолепная в своем царственном неодобрении, величаво-невозмутимая. Гнев Париса ранил ее не сильнее, чем пенные брызги фонтанов ранят мраморные изваяния.

Парис чувствовал, что, оправдываясь, становится смешон, и рассердился еще больше. Сейчас мнение всего Рима тревожило его меньше, нежели мнение этой гордой и властной женщины. Собрав все силы, он заставил себя успокоиться и рассмеялся, признавая поражение.

- Случается и воину промахнуться.

– За это он платит жизнью, – приговорила безжалостная Домиция Лонгина и направилась прочь.

Она не просто уходила – величественно удалялась, как удаляется победитель от расprostертого на земле врага. Он воскликнул вслед, забыв, что обращается к Августе, желая доказать, что еще не побежден:

- Будь у всех зрителей твой взгляд...

Она остановилась и только слегка повернула голову.

- Что же тогда?

Он хотел сказать: «Тогда из воображаемых ран потекла бы настоящая кровь». Но вместо этого вспомнил, что она, именно она, одним своим присутствием спасла спектакль, и сказал:

- Твой взгляд придал мне силы.

Тотчас подумал, что она вновь уронит презрительное: «Рабам нужна плеть». А еще подумал, что ничья брань не жгла больнее. И еще – как сладко удостоиться ее похвалы.

Она бросила через плечо:

- Хочешь играть для меня?

– Да, – ответил он, глядя на ее белую и округлую щеку, на столь же белый и округлый локоть, с умыслом выставленный из-под покрывала.

В тот миг Парис ясно осознал, почему Домициан отнял эту женщину у ее первого мужа. Это была нелегкая победа – даже для Цезаря. Верно, не раз ему приходилось, забыв о царственном величии, падать на колени и умолять.

«Домициан предложил ей порфиру. А что может предложить актер?»

Она повернулась и наградила Париса насмешливым взглядом, показав, что прочла его мысли. «Хорошо, – подумал он, вспыхнув яростью, – римляне склоняются перед порфирой владыки, склоняются со страхом. Но они склоняются и перед талантом актера, склоняются с любовью. Склонится и эта гордая римлянка».

Домиция снова усмехнулась и пошла прочь. Парису хотелось, чтобы она еще раз оглянулась, но она ушла, не оглядываясь. Он сказал себе в утешение: «Чем труднее битва, тем слаще победа».

Он добился от нее похвал. Добился и клятв. Добился слов, которых – Парис не сомневался – от нее не слышал никто, даже император.

Гнев Домициана понятен. И все же... Все же Парис был уверен: императору, конечно, ненавистен Парис-человек, затронувший сердце и чувства Августы. Но сильнее ненавистен – Парис-актер, пробудивший души и разум зрителей.

Значит, грозный приговор не отменен, а только отложен.

Парис с силой втянул холодный ночной воздух. Успеет ли он сыграть «Антигону»? Только бы успеть!

- Мы пришли, – повторил Парис, видя, что центурион не уходит.

- Войди в дом, – ответил Марк.
– Тогда ты доложишь, что поручение исполнено? – улыбнулся Парис.
Марк не ответил на улыбку. Лицо актера тоже стало суровым.
– Благодарю, – коротко сказал он и перешагнул порог.

* * *

Ранним утром Виния Руфина, приняв лекарство Зенобия, посмотрела на себя в зеркало, потянулась за румянами, безнадежно махнула рукой, облачилась в голубой шелк – лица нет, так хоть волосы оттенить – и вышла к гостю, спозаранку явившемуся ее приветствовать.

Гость был невысок, жилист, загорел до черноты и одет в ярко-синюю короткую тунику.

– Мепп! – воскликнула Виния. – А я-то думала, кто пренебрег гонками колесниц: обычно все, опережая друг друга, торопятся занять места в цирке.

– О, госпожа, твое приветствие принесет мне удачу.

– Надеюсь. Я молю богов даровать тебе победу.

– Благодарю. Я и сам побывал в храме. Уверен, нынче я надену венок победителя. Я видел во сне Пегаса, летевшего перед моей колесницей.

– Добрый знак, – улыбнулась Виния. – Будь жив отец, он поставил бы на тебя все свое состояние. Да и Авл Виттелий тоже. Но и я билась об заклад. Скажу по секрету: сам префект Фуск за тебя.

– Весьма мудро с его стороны, – ухмыльнулся Мепп. – Соберет кучу денег, сможет с долгами расплатиться.

– Ах, дерзкий, ты еще не победитель!

– Но буду им.

Взмахнув рукой, он вышел. Улыбка медленно сползла с лица Винии. От всего сердца надеясь, что завтра вновь увидит в своем атрии отважного Меппа – боги знают, сколь многие разбиваются на ристалищах, а калечатся как! – Виния приказала подавать лектику.

...Цирк гудел. Известно было, что император не почтит зрелище своим присутствием, но это не помешало остальным горожанам, истомленным зноем и скукой, искать развлечения. Об упряжке Меппа, его гнедой кобыле, говорил весь город. Еще до восхода солнца были заняты места, отведенные простым горожанам. Едва же мрамор храмов и портиков порозовел от солнечных лучей, как начали прибывать обитатели величественных тибрских дворцов. В окружении рабов и клиентов, возлежав на шелковых подушках, в лектиках, изукрашенных слоновой костью и перламутром, благоухая нардом и розовым маслом, приближались они к цирку и, пройдя под мраморными аркадами, меж увитых розами колонн, занимали скамьи у самой арены. Лучшие места отводились сенаторам, следующие ряды принадлежали всадникам. Императорский подиум, затененный зеленым, расшитым золотом пологом, пустовал.

Виния окинула взглядом цирк. Зрители нижних рядов были облачены в белое. По капризу Домициана сенаторы должны были являться в цирк, словно в курию – в парадных одеяниях. Средние ряды пестрели самыми яркими красками – там разместились богатые горожане. Однако случалось и простолюдинам отвоевать место, и тогда дорогой виссон, египетский лен, косский шелк соседствовали с грубой шерстью, и среди изысканных сиреневых, синих, изумрудных тонов возникало черное или коричневое пятно. Верхние ряды занимала беднота в тускло-серых, некрашенных туниках.

Виния сидела между дядей и братом и тихонько вздыхала: между ней и Фуском пролегла арена – ложа префекта преторианцев была напротив, рядом с императорским подиумом.

– Виния, – нежно позвал Гай Элий. – Не хочешь ли ты поменяться местами с дядей?

– Зачем это? – подозрительно спросила Виния.

Гай нагнулся к ее уху.

- Затем, что в самый напряженный момент ты вопьешься ногтями в соседа.
- Вот еще, – рассердилась Виния. – Неправда. Я всегда очень сдержана.
- Можешь уверять в этом префекта Фуска, но не меня.
- Вот и садись на место префекта, а его пришли сюда, – сварливо возразила Виния.
- Это невозможно. Разве что отправить тебя на ту сторону, а сюда позвать его дочь.
- Как? – удивилась Виния. – Корнелию может увлечь столь низменное зрелище?
- Вчера она уверяла, что придет.
- Я не слышала.
- Она сказала это при прощании. Я провожал ее до лектики, – напомнил Элий.

Виния загорелась.

- Гай, пожалуйста, пригласи ее. А я там устроюсь. Успеем, консулы еще не прибыли. К немалому изумлению Винии и еще большему – Анция, Гай Элий легко согласился.

– Хорошо, пойдем.

– Гай! – окликнул сына Анций, но тот, верно, не расслышал – шум, царивший в цирке, вполне мог служить оправданием. Но почему-то взгляд Анция стал еще удивленнее.

Корнелий Фуск, усадив дочь, с ног до головы закутанную в белое покрывало, подошел перекинуться парой слов с египтянином Криспином, сидевшим по другую сторону императорского подиума. Египтянин – говорили, предки его торговали рабами – получил всаднический перстень от Домициана и считался доверенным лицом императора. Фуск держал с Криспином пари и хотел расспросить его о гнедой кобыле (Криспин во всеуслышание заявлял, будто видел ее еще у перекупщиков, и она вовсе не так хороша), а заодно послушать, как прошло утро на Палатине и откуда нынче дует ветер.

Марк Ветгий – утром он получил приказ сопровождать префекта, что, впрочем, было не новинку, ему случалось охранять не только префекта, но и самого императора – чувствовал, что весь горит, хотя солнце еще только взошло. Разумеется, центурион-преторианец не мог осмелиться заговорить с дочерью префекта. С другой стороны, накануне они, волею судеб, оказались за одним столом. Так кто углядит дурное в том, что он осмелится ее приветствовать?

Корнелия, оглядываясь, на мгновение откинула покрывало. Как, она не обернется, и он не увидит ее лица? Искушение оказалось слишком велико.

- Да пошлют боги тебе долгих лет и здоровья, прекрасная госпожа.

Корнелия повернулась к нему. Без удивления и без усмешки – обычных спутников заносчивости.

- Здравствуй, центурион. Я помню тебя, но прости, не знаю твоего имени.

На этот вопрос Марк ответил не сразу, что получилось ужасно глупо, и она, конечно, удивилась. Просто он так жадно вслушивался в звук ее голоса, что не понял вопроса.

– Марк Ветгий.

- Марк Ветгий? Хорошо, я запомню.

Эта простая учтивость заставила Марка покраснеть от удовольствия. Он не знал, что еще сказать, и мучился при мысли, что она сейчас отвернется, но Корнелия сама продолжила разговор.

- Где ты получил отличие? – она смотрела на золотое запястье.
- В Британии, госпожа. Наш легион сражался там.
- Знаменитый Четырнадцатый?
- Да, госпожа, – хоть это он мог произнести с гордостью.
- Расскажи мне, как ты получил награду.

Марк ответил не сразу. Почетный знак он заслужил честно. Только как рассказать обо всем прелестной девушке? В той войне не было красивых, показательных сражений, когда расположенные в шахматном порядке манипулы с боевым кличем бросаются в атаку, с флангов налетает конница...

Нет, тот год казался ему сплошным переходом через болота, когда он, как выючное животное, брел, не поднимая глаз от тропы, и по грудь барахтался в вонючей жиже, а враги, прекрасно знавшие местность, налетали внезапно, выныривали из тумана, выныривали и исчезали так быстро, что легионеры не всегда успевали схватиться за мечи. От легиона словно отхватывали кусок за куском. В той войне было много крови, но еще больше пота, и вряд ли рассказ о бесконечном марше, непросыхающей одежде, стертых ногах и гноящихся ранах мог развлечь девушку.

Для женщин у него имелась особая история, где встречалось все: начищенные значки легионов, сияющие доспехи, алые плащи; враги, бросающиеся в бегство при одном виде римских солдат; невероятная добыча; сражения от восхода до заката, когда в бой вводят сначала манипулы гастатов – молодых, неопытных воинов, за ними вступают принципы, а затем уже приходит черед триариев – лучших, опытных бойцов.

– Земля содрогается под нашими шагами, и орлы...

Тут он взглянул в серые с прозеленью глаза Корнелии и осекся, а спустя мгновение рассмеялся. Корнелия тоже улыбнулась, сказав:

– И отец мой, и дядя воевали. Я знаю, что военный поход мало напоминает описанную тобой веселую прогулку. К тому же Юлий Фронтин был частым гостем в нашем доме, я слышала его рассказы. Из Британии многие не вернулись.

– Многие, – как эхо повторил Марк.

– Друзья?

– Друг. Спас меня, а сам погиб.

– Ты недолго пробудешь в долгу.

– Что?

Но она, уже увлеченная другим, спрашивала.

– А женщины бриттов? Красивы?

Лицо Марка вновь заалело. Не мог же он сказать: «Я позабыл их, увидев тебя».

– Римлянки красивее, госпожа.

– Не лукавь. Говорят, у них длинные светлые волосы...

– Я предпочитаю черноволосых.

– И огромные голубые глаза...

«Громы Юпитера! И он должен терпеть?»

– Мне по сердцу иной цвет, госпожа.

Он все-таки позволил голосу дрогнуть. Расплата наступила мгновенно.

– Понимаю. Эта черненькая – твоя невеста?

– Что? – опешил Марк. – Какая?

Тут он вспомнил Панторпу, накануне сидевшую рядом.

– Легионерам запрещено жениться, госпожа.

– Жаль. Девушка миленькая, – Корнелия опустила покрывало.

Марк проклинал свою злосчастную судьбу. Окажись он богатым бездельником в тоге с пурпурной каймой, ему дозволено было бы сказать что-то о затмении солнца, или погасшей звезде. И Корнелия улыбнулась бы этим затасканным словам – дамы любят проверенные комплименты. Глядишь, она смилостивилась бы и вновь открыла лицо.

Пока Марк вздыхал, Гай Элий и Виния Руфина добрались до цели своего путешествия. Виния предоставила брату одному зайти в ложу, а сама примкнула к вполголоса беседовавшим Фуску и египтянину.

Спустя мгновение, Гай Элий покинул ложу рука об руку с Корнелией: горе Марка было безмерно.

Наконец, звуки труб возвестили о прибытии консулов. На арену выступила процессия жрецов, ведших белого жертвенного быка. Алтарь обагрился кровью.

Напряжение все возрастало. Смолкали разговоры, затихало даже шуршание одежд. Зрители застывали на своих местах: руки сцеплены, глаза устремлены к воротам, откуда должны вырваться колесницы.

И – зрители в едином порыве качнулись вперед, взревели трубы, ворота распахнулись, упала цепь, перегораживавшая арену – колесницы сорвались с места.

Виния застонала. По жребию квадрига Меппа оказалась ближе всего к зрительским трибунам. Чтобы победить, вознице предстояло прорваться к центру, обойдя пятерых соперников. Тогда колесница, огибая мету, полетит по самому короткому пути.

– Префект! Сто тысяч сестерциев на «зеленую»! – крикнул кто-то над ухом Фуска.

Он кивнул и вытянул два пальца, показывая, что принимает пари и удваивает заклад. Виния сорвала золотой браслет.

– Ставлю на Меппа!

Молодая женщина в соседней ложе подняла над головой жемчужное ожерелье.

– Против Меппа – на «зеленого».

– Твоя сестра опять проиграется, – сказал сыну Анций, хоть и не видевший племянницу, но прекрасно знавший, что с ней творится.

– Что? – Гай Элий проявлял к состязаниям поразительно малый интерес.

Квадриги приближались к повороту. Шли вровень. «Зеленый», рядом с ним – «белый», «красный», затем «золотой» и «пурпурный», цвета, введенные Домицианом, и наконец, у самого бортика, отделявшего арену от зрительских скамей, мчалась колесница с возничим в ярко-синей тунике.

– А-а-а, – стонала Виния. – А-а-а...

Колесницы прошли точно под ними. Клубы пыли вырывались из-под колес и копыт коней. Позолоченные спицы слились в один огненный круг. Слышалось шелканье бичей и резкие окрики возниц. Поворот. Виния пронзительно завизжала, но ее голос потонул в реве толпы. Префект Фуск почувствовал, как в руку ему повыше запястья впились острые ногти.

«Золотой» отстал. Квадрига Меппа летела по крутой дуге, перерезая дорогу возницам в красном и пурпурном. Послышался треск: красная и пурпурная повозки столкнулись. Колеса зацепились друг за друга, затрещали оси. Весь цирк замер, однако, возничим удалось каким-то чудом расцепить колесницы. Гонка продолжалась. На первом повороте к всеобщему изумлению обошлось без жертв. Виния, обливаясь потом, откинулась на спинку скамьи. Обменялась улыбками с Фуском. Цирк постепенно успокаивался, пронзительные вопли сменялись ровным гулом.

Квадриги неслись вдоль мраморного хребта, пересекавшего арену. Ближе всего к центру, как и прежде, держался возница в зеленом, рядом и вровень мчалась запряженная воронными колесница «белого». Мепп чуть отставал. Сзади и тоже вровень следовали «пурпурный» и «красный». «Золотой» шел последним.

– А лошади из императорской конюшни едва тянут! – крикнула Виния.

Фуск засмеялся и вновь удвоил ставку. Колесницы благополучно миновали второй поворот, их положение не изменилось, разве что «золотой» чуть нагнал остальных.

Повернулся мраморный дельфин на одной из высоких мачт в центре арены, показывая возницам, что первый круг пройден.

На третьем повороте произошло несчастье. Огибая мету, возница в белом хотел повторить прием Меппа: описать крутую дугу и вырваться вперед. Не рассчитал, колесница накренилась и опрокинулась. Возница успел выхватить из-за пояса нож, перерезать построжки и откатиться в сторону, спасаясь из-под копыт коней набегающей упряжки.

Возница в зеленом попытался отвернуть, кони замедлили бег, и в этот момент Мепп вырвался вперед.

Цирк взревел. Кричали все: непорочные весталки, величавые жрецы, благородные сенаторы. Чернь выла и улюлюкала.

– Гнедая! Гнедая! – вопила Виния.

– Мепп! – орал Фуск, одной рукой отводя от себя обе руки соседки.

Вспомнилась Винии другая гонка: мощная дорога, летящая под копыта коней, крик Меппа на поворотах: «Держись!», собственные пальцы, скрюченные от холода, намертво вцепившиеся в борта колесницы... Резкий, слепящий ветер в лицо. Мепп, тогда еще пятнадцатилетний мальчишка, был возницей. А она – старше на год, но ничуть не умнее – стояла позади. И дорога вела в Синуэссу...

Синуэсса... Это название до сих пор вызывало головокружение и тошноту...

После пяти кругов стало ясно, что борьба идет между «синим», «зеленым» и берегавшим до той поры силы «золотым». Бока коней лоснились от пота, дымились оси колесниц. Сами колесничие в поту, в пыли яростно взмахивали бичами.

Фуск утроил заклад. Виния последовала его примеру, и так как драгоценностей на ней больше не было, поставила на лектику. «Боги, что я делаю, дядя придет в ярость». Но тут же она позабыла о грозном Анции и обо всем на свете: колесницы вышли на последний круг.

Марк побился на первые наградные с солдатами конвоя.

Цирк стонал. Фуск мельком взглянул на Винию: как мог прелестный ротик издавать такие вопли? – и вновь обратил взгляд к арене. До меловой черты оставалось немного... совсем немного.

– Ха! – крикнул Мепп и по-особенному щелкнул бичом.

В цирке не слышали его возгласа, только увидели, как тройка вороных и гнедая кобыла вдруг рванулись вперед. Все быстрее, быстрее мелькали копыта. Мепп совершенно ослабил поводья, и вновь бич его щелкнул над головами коней.

– А-а-а, – нарастал рев на трибунах.

Виния первой вскочила на ноги. Сорвались с мест и остальные. Префект Фуск одной рукой обнимал Винию и потрясал в воздухе сжатым кулаком другой.

Вой и свист на трибунах достигли наивысшей силы – упряжка Меппа первой пересекла меловую черту.

Виния залилась слезами. Вспомнилось ей, как отец и Авл Виттелий торжествовали победу «синих» – они и сошлись-то на почве верности этой партии. Отец откидывался назад и лишь соединял кончики пальцев, намекая на аплодисменты. А Виттелий, перегнувшись через барьер, отделявший зрительские места от арены, так неистово размахивал руками и кричал, что напоминал рассерженного Юпитера. Казалось, из рук его вот-вот ударят молнии. А его густой, раскатистый хохот и впрямь был подобен грому.

Она отерла глаза. На колени упало жемчужное ожерелье и сапфировый браслет – залог неизвестной красавицы. Виния быстро обмахивалась веером из павлиньих перьев: страшно подумать, что сказал бы Анций, останься она в проигрыше. Она дрожала и чувствовала ужасную слабость. Фуск вытирал испарину со лба.

– Да, это была настоящая гонка, моя Виния.

– Уведи меня, – попросила она. – Я не хочу смотреть другие заезды.

Они подождали, пока Мепп сделает полный круг по арене – круг победителя. Со всех сторон под копыта коней летели охапки цветов – Виния бросила и свой букет, пронзительно крикнув:

– Мепп!

Возничий обернулся. Лицо его было серо от пыли и пота, он казался много старше своих лет. Среди сотен обращенных к нему лиц Мепп не разглядел лица Винии. Взмахом руки, наклонном головы отвечая на приветствия, продолжал объезжать арену.

Префект Фуск проводил Винию до ее лектики. Виния с нежностью провела рукой по деревянному ложу, которого едва не лишилась. Рабы-лектикарии (разумеется, одетые в синее) смотрели на хозяйку с испугом: верно, и впрямь тяжело больна, если покинула цирк до окончания гонок.

Прощаясь с Винией, префект поцеловал ей руку выше локтя. Сказал негромко.

– Вечером мне велено явиться на Палатин.

Глаза у нее расширились.

– Думаю, император желает взглянуть на представление «Антигоны», – веско проговорил Фуск.

* * *

Труппа Париса выступала в театре Марцелла, расположенном на берегу Тибра, близ моста, ведущего на Тибуртинский остров.

Ослепительной белизной сияли колонны скены – трехэтажного здания, в котором размещались комнаты актеров. Там хранились маски и костюмы, музыкальные инструменты, там актеры переодевались, оттуда выходили на широкий дощатый помост, на котором и давалось представление. Букетами живых цветов были украшены арки, колонны, скамьи. Императорский подиум издали казался одной огромной клумбой.

Виния Руфина вошла или, вернее, вбежала в театр, когда звуки труб и гомон толпы уже возвестили о приближении императора. На ходу Виния переругивалась с Гаем Элием, имевшим несчастье зайти за ней по дороге в театр. Гаю Элию пришлось прождать сестру больше часа и теперь с неподобающей поспешностью занимать свое место в оркестре – полукруглой площадке перед помостом, где стояли кресла сенаторов. Гай Элий гневался тем сильнее, что рассчитывал до начала представления приветствовать дочь Корнелия Фуска, а теперь всякую надежду на это приходилось оставить. В свою очередь Виния, в спешке разбившая сосуд с розовым маслом и порвавшая нить выигранного накануне жемчуга, не склонна была кротко выслушивать упреки. Не стоило-де за ней заходить, если он намеревался только путаться под ногами, и нечего на нее кричать и топтать, она не может идти в театр неодетой и непричесанной. Ну, а когда жемчуг рассыпался по комнате, Гаю Элию припомнились все грехи, начиная с молодости, включая нелепую приверженность партии «зеленых», которые вчера так постыдно, да-да, постыдно позволили себя обойти. И нечего затыкать уши, пусть хоть раз выслушает правду о себе.

– Анций безобразно тебя избаловал! – вскричали оба в один голос.

Гай Элий, превратившись из обвинителя в обвиняемого, принялся защищаться. Мол, есть на свете женщины, способные даже самого терпеливого мужчину довести до белого каления, и языком пользуются, как орудием пытки, чтобы непрестанно истязать своих близких. Виния может считаться достойной приемницей Ксантиппы.

– Но ты не Сократ, – парировала Виния.

И если вчера его мнение о женщинах улучшилось, то сегодня они вновь безнадежно пали в его глазах. Виния ехидно осведомилась, что же такое приключилось с ним вчера. При этом она смотрела на брата в зеркало и, отобрав у рабыни гребень, раздирала спутанные пряди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.